

18+

АНДРЕЙ ЛАНИУС

КАПИЩЕ

**ИЛИ ОБОРОТЕНЬ ИЗ
ПРОШЛОГО**

Андрей Ланиус
Капище, или
Оборотень из прошлого

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100087
ISBN 9785005173676*

Аннотация

Легенда 18-го века оживает в 21-м веке в небольшой провинциальном городе. Знай и люби родной край! Убийство, кража, жестокие ритуалы.

Содержание

1. ПЛОХИЕ ВЕСТИ С МАЛОЙ РОДИНЫ	5
2. СЕМЬ ЧУДЕС ДРЕВНЕГО ГОРОДА	12
3. БЕЛОСОБОРСКИЙ ОБОРОТЕНЬ	22
4. БРАТ АЛЕКСЕЙ	36
5. СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ	46
6. ПОТАЙНОЙ ЛАЗ	58
9. ГОЛОС МЕСТНОЙ ПРЕССЫ	90
10. НЕИЗДАННАЯ МОНОГРАФИЯ	108
11. ОСТРОВ РЕЧНОГО ЗВЕРЯ	119
12. ПЛЕМЯННИЦА НАСТЯ	129
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Капище, или Оборотень из прошлого

Андрей Ланиус

© Андрей Ланиус, 2025

ISBN 978-5-0051-7367-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ПЛОХИЕ ВЕСТИ С МАЛОЙ РОДИНЫ

К сегодняшнему дню мы с Кларой готовились заранее, рассчитывая провести его так, чтобы каждая минута осталась в памяти надолго.

Это был наш с ней особый, личный праздник – первая годовщина знакомства.

Клара считает, что нас соединило само небо, и наша встреча была предопределена судьбой.

Основных аргументов на этот счет у Клары два.

Во-первых, по ее мнению, у нас редкие, притом созвучные имена.

Клара и Краснослав, разве не так?!

Краснослав – это я. Это старославянское, действительно редкое имя дал мне мой покойный ныне отец, который всю жизнь называл меня Славиком, как, впрочем, и все домашние, а также соседи и друзья дома.

Клара на людях тоже зовет меня Славиком, Славой, а я ее – и на людях, и наедине, – Ларой, Ларочкой.

Слава и Лара – не такое уж очевидное созвучие, верно?

Второй «неотразимый» аргумент Лары: мы оба Стрельцы!

Лично я к гороскопам равнодушен, но с Ларой по этому поводу не спорю.

Если ей нравится, то пусть считает, что нас соединили звезды!

Со своей стороны и лично для себя я объясняю прочность нашего союза иначе.

Не вдаваясь в подробности, просто замечу мимоходом, что, как сценарист радио- и телевизионных передач на исторические темы, я всегда тратил львиную долю своего времени в поисках так называемых источников информации.

Знакомство с Кларой, виртуозно владевшей пространством и закоулками Интернета, а вдобавок английским и французским, открыло передо мной новые творческие горизонты, не побоюсь этой нескромной гиперболы.

Клара помогала мне охотно, с интересом, по склонности души, так что я вполне мог считать ее своей музой.

Впрочем, зачем проверять гармонию алгеброй?

Мы встретились и пришлось друг другу по нраву, вот и все!

Мне все нравилось в Кларе, даже ее недостатки, если сейчас уместно вести об этом речь.

Она среднего роста, в меру полновата, у нее красивые и глубокие серые глаза и аккуратная шапка волос золотистого оттенка. На ее гладкой коже задорно проглядывают золотистые веснушечки. Вот только характер золотым, пожалуй, не назовешь. Правда, со стороны может показаться, что другой столь же мягкой, тактичной и деликатной особы не сыскать. Она легко идет на мелкие уступки, но ни на йоту не от-

ступит от того, что считает для себя принципиальным.

Да, мне все в ней нравится, однако живем мы по-прежнему отдельно, хотя оба свободны и материально независимы.

Лично я вовсе не против, чтобы предложить ей объединить наши судьбы и жилплощади.

Загвоздка, очевидно, в моей природной лени.

Чтобы совершить решительный шаг, мне всегда требовался некий импульс извне.

Быть может, сегодняшнее празднество и даст такой импульс?

Меня не покидало ощущение, что и Клара думает о том же.

Что ж, впереди у нас еще полдня.

Вечер тоже наш, как и ночь.

Зря, что ли, во мне разгоралось предчувствие крутых перемен, с которыми мы встретим завтрашний день!

Ну, а сейчас мы только-только уселись за праздничным столом в моей небольшой, пока еще холостяцкой квартире, где, однако, уже ощущалось влияние заботливой женской руки.

Я поднял свою рюмку с коньяком и выдержал паузу, готовясь произнести многозначительный тост, когда раздалась трель междугородного телефонного звонка.

Вообще-то, я не страдаю «телефонной болезнью», и легко мог бы проигнорировать звонок, прозвучавший в столь торжественную минуту.

Но что-то заставило меня отставить рюмку, повернуться к тумбочке за спиной и взять аппарат.

– Слава, ты? – донесся до меня через тысячу километров взволнованный и, как мне показалось, обескураженный чем-то голос моей мамы.

Мама.

Она звонила мне раз в месяц, и последний ее звонок состоялся ровно неделю назад.

О существовании Клары мама даже не подозревала, поэтому поздравление как повод для звонка отпадало.

Значит, у них там что-то случилось, в секунду пронеслось в моей голове.

– Здравствуй, мамочка! У вас все в порядке?

– Совсем ты нас забыл, Слава! – вздохнула мама.

Это была святая правда. В Белособорске я не был уже четыре года, хотя и обещал навестить свою малую родину каждое лето. Обещал и в этом году, но июль уже катился к закату, а планы у меня пока были совсем другие.

– Извини, дела, – пробормотал я.

– Отложи дела, сынок! Выезжай прямо сегодня!

– Да что случилось-то?!

– Беда у нас! В музее произошло убийство, и твой брат оказался замешанным в этой страшной истории...

– Алешка?! – не поверил я собственным ушам.

– У них получается так, будто именно он открыл дверь служебного входа изнутри, какая глупость! Следователь взял

у него подписку о невыезде и каждый день вызывает на допросы...

Мама совсем разволновалась, и я принялся задавать уточняющие вопросы.

Каждый мамин ответ лишь усиливал мою тревогу, а говорили мы четверть часа, прежде чем мне удалось составить картину произошедшего, в самом общем виде, разумеется.

Наконец, я клятвенно заверил маму, что выеду вечерним поездом, и попросил передать Алешке, чтобы он держался молодцом.

Из задумчивости меня вывел голос Клары:

– Что произошло, дорогой?

– Извини, милая! – выдохнул я. – Наш чудесный праздник придется перенести на другой день. Прямо сейчас я должен мчаться за билетом в город своего детства.

– Что-то очень серьезное, да?

– Более чем.

– Это тайна для меня?

– Нет, но очень долго рассказывать.

– А ты просто повтори те слова, что сказала тебе мама.

– Если я просто повторяю, то ты, милая, решишь, что все мои близкие в Белособорске сбрендили. Нет, здесь без обстоятельного вступления не обойтись, а времени нет. Давай сделаем так. Сейчас я быстро сгоняю за билетом на вечерний поезд. Ты оставайся здесь. Как только я вернусь, мы с тобой детально побеседуем. Полагаю, у нас еще будет два-три сво-

бодных часа.

Она помолчала немного, однако, как бы продолжая при этом наш разговор.

Затем подняла на меня свои серые глаза:

– Славик, у меня накопилось несколько отгулов. Я могу взять их прямо сейчас. Ты ведь давно собираешься познакомиться меня с мамой, не забыл, дорогой?

– Милая, я не забыл и даже был бы только рад, но не в этой ситуации. Это вовсе не увеселительная прогулка!

– Почему не сейчас, Слава? – с вкрадчивым простодушием удивилась она. – Разве помочь твоему брату – не лучший способ произвести хорошее впечатление на всех твоих родных и друзей?

В ее словах был резон, но...

Клара по-своему истолковала мое молчание:

– Если у них тесновато, или если их смутят наши с тобой отношения, то я могу остановиться в гостинице.

– Не беспокойся на этот счет. Ладно, твое предложение принято! Но тогда я должен снова поговорить с мамой.

Я взял трубку и набрал длинный номер:

– Мама, это я! Нет-нет, ничего не изменилось. Просто хочу предупредить, что приеду не один. Нет, не с другом. Ее зовут Клара, она красавица и умница. Вот и посмотришь на нее! Никаких церемоний не затевай. Наш дачный домик еще цел? Вот и прекрасно! Попроси Алешу, чтобы встретил нас на вокзале.

– Ой, Славик! – всполошилась вдруг мама. – Ведь Алеша запретил нам с Лилей сообщать тебе об этом ЧП. Ты уж меня не выдавай, сынок, не говори ему о моем звонке. Скажи, что просто приехал проведать нас всех и познакомиться со своей невестой.

– Ладно, мама! Не расстраивайся! Все будет хорошо!

2. СЕМЬ ЧУДЕС ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Все же не зря я так пекся о билетах, – в кассе оставались места только в спальном вагоне.

Впрочем, в данной конкретной ситуации это было даже кстати.

Уединенность двухместного купе давало нам с Кларой возможность отметить наш праздник, ни в чем не сдерживая нашу фантазию, хотя и по другому сценарию.

Я подумал также, что тему Белособорска надо закрыть до отправления поезда, притом, что у нас оставалась еще толика свободного времени, которое мы решили провести в небольшом кафе, расположенном на противоположной от вокзала стороне Лиговки.

Если честно, то я никогда не рассказывал Кларе в подробностях ни о своих родственниках, ни о городе своего детства. Да просто не было подходящего повода к такого рода беседе. Конечно, какие-то сведения самого общего характера, по крайней мере, о маме и о брате я ей сообщил, так, между делом, мимоходом, но уж теперь-то, определенно, следовало расширить и уточнить эту, как бы ее назвать, базу данных.

Я начал с напоминания о том, что Белособорск – город

моего детства и моей юности, расположен на широте Украины, и, по нашим, северо-западным, меркам, имеет определенное отношение к югу.

Впрочем, сам я, живя в этом городе, никогда не считал его южным.

Зимой там нередко бывает так же слякотно, пакостно и холодно, как и в Питере.

– Зато лето действительно роскошное, всегда, без исключений! – тут же успокоил я Клару. – Сама сможешь убедиться.

Из Белособорска я уехал сразу же после окончания школы, в то же лето поступил в институт, и с той поры штамп о белособорской прописке в моем паспорте никогда более не возобновлялся.

Сначала я навещал своих ежегодно, затем стал ездить через два года, а то и через три.

Последний мой визит на малую родину состоялся четыре года назад, даже с хвостиком.

С моей стороны, это, конечно, свинство чистой воды. Каюсь.

Теперь о родственниках.

Итак, моя мама – Людмила Николаевна – живет в семье моего младшего брата Алексея. Точнее, семья брата живет при маме.

Маме 67 лет, здоровье у нее еще крепкое (тьфу-тьфу!), и она уверенно держит в руках бразды

домашнего правления. Среди своих бесчисленных подруг, а также соседей и прочих знакомых

матушка активно культивирует миф о том, что ее старший сын сделал в северной столице блестящую карьеру.

Иногда мама присылает мне длинные письма, в которых рассказывает о маленьких семейных

тайнах, а также о различных событиях из жизни моих бывших одноклассников и друзей юности.

Отец мой, Иван Павлович, умер около восьми лет назад во сне. Друзья отца говорили, что Бог

послал ему легкую смерть в награду, очевидно, за добро-сердечный и незлобивый характер.

Он похоронен на старом белособорском кладбище.

Брат Алексей на шесть лет младше меня. Мы абсолютно разные. Если поставить нас рядом,

а затем поинтересоваться мнением случайных прохожих, то, уверен, никто не признает в нас

родных братьев. Алешка на полголовы выше – хотя и я отнюдь не карлик – и шире в плечах. Но он не богатырь, скорее увалень.

Классический добряк, он генетически не способен причинить зло ни одному живому существу,

включая братьев наших меньших. Очень многие из наших общих знакомых называют его

человеком не от мира сего, но одни – с уважением, а иные

и с насмешкой.

У него редчайшая профессия: он специалист по истории восточнославянского язычества.

Мир древних преданий, сказок, поверий, легенд, былин для него более реален, чем окружающая действительность.

– Любопытно, что вы оба избрали историческую стезю, – заметила Клара, слушавшая очень внимательно и не перебивавшая меня до этого момента.

– Нет, давай все же проведем четкое размежевание, – возразил я. – Тебе ведь известно, что я не считаю себя историком. Я журналист, литератор, интересующийся историческими персонажами с позиций сегодняшней сумятицы. Знаешь ты и о том, что я умею выстраивать самые невероятные версии былых событий, для чего требуется определенная игра воображения.

Другое дело Алексей! Это строгий ученый, фанатик факта, убежденный последователь своей научной школы! Его основная тема – археологические находки и культовые сооружения, возведенные в те загадочные времена, когда в наших палестинах вообще не существовало никакой письменности!

– Так он изучает культ Перуна? – уточнила моя любимая женщина, широта познаний которой подчас ставила меня в тупик.

– Нет, то, что было еще раньше, задолго до Перуна!

– А разве до Перуна было что-то еще? – наморщила она

свой симпатичный лобик.

– Милая, по-моему, мы сильно отклонились куда-то в сторону, – заметил я, – притом, что это не моя тема. Если тебя действительно интересуют подобные вещи, то ты сможешь совсем скоро обсудить их с Алексеем. Благо, он – прирожденный лектор, и умеет держать аудиторию под напряжением. Только советую заранее продумать формулировку своих вопросов.

Добряк-то он добряк, но коллегу, по невежеству перепутавшего каких-нибудь древних идолов, может стереть в порошок. Фигурально, разумеется. В филологическом споре его язычок становится беспощадным и острым как бритва.

– Алексей – старший научный сотрудник музея, расположенного в глубине дендрологического парка «Диана», – продолжал я. – Именно там и произошло убийство. Но о нем мы поговорим чуть позже, после того, как я закончу вступительную часть...

Жена Алексея – Лиля – учительница русской литературы. Лиля и Алексей – родственные души.

Лиля – тихая и скромная, но отнюдь не безответная. Иногда в ней словно бы клокочет некий вулкан.

Ученики доводят ее до слез своим незнанием текстов отечественных классиков и корифеев.

Наконец, Настенька – дочь Алексея и Лили, моя родная племянница. Пожалуй, о ней я не могу сказать ничего опре-

деленного. Когда я видел ее в последний раз, это была довольно бойкая голенастая девчушка тринадцати с лишним лет. А сейчас ей без малого восемнадцать. Невеста. Четыре года в ее возрасте – целая эпоха. Совершенно не представляю, что за личность из нее получится.

– Я и раньше чувствовала, что у тебя очень симпатичные родственники, – отозвалась Дина. – Что же приключилось с Алешей? Кстати, не буду возражать, если ты добавишь мне вина.

Я налил в наши фужеры еще немного «Мерло», мы пригубили, затем я произнес тоном прорицателя:

– Ты спрашиваешь, что приключилось с Алешей? Этого не понять тому, кто ничего не знает о семи чудесах нашего древнего Белособорска.

– Чудеса? Да еще целых семь?! – подивилась она. – Что ж, давай-ка, проверим их на прочность.

– Первое чудо – это речка Ракидон, пересекающая город с запада на восток. Она неширока, но необыкновенно живописна, особенно в лунную ночь. Жаль, что ее не видел Куинджи.

Выше по течению, примерно в трех километрах от западной границы города, к реке примыкают так называемые Старощанские болота, совершенно непроходимые и незамерзающие даже в лютый мороз, благодаря подземным теплым источникам.

По меньшей мере, половина горожан уверена в том, что

в глубине болот до сих пор обитают гигантские крокодилы.

– О боже! – содрогнулась Клара, никак, похоже, не ожидавшая такого рода новости.

– Во всяком случае, в парковом музее выставлено чучело крокодила, который был застрелен на берегу Ракидона в середине 19-го века, то есть, по историческим меркам, буквально вчера! И это никакой не розыгрыш, а подлинный факт, зафиксированный архивным полицейским протоколом, к которому приложены показания двух десятков свидетелей!

– По-моему, ты все-таки меня разыгрываешь! – сощурилась Клара.

– Спросишь Алексея! Он специально изучал материалы на эту тему и утверждает, что они абсолютно достоверны! – Я соединил ладони перед собой. – Итак, речка Ракидон вместе с теплым болтом – это первое чудо Белособорска. Второе чудо – гранитный остров посреди реки. Своими очертаниями он удивительно напоминает гигантского крокодила, наполовину всплывшего из-под воды.

– Опять крокодил! – всплеснула она руками.

– Вообще-то, в нашем славном граде этого словечка не любят, – заметил я. – Добрые горожане предпочитают формулу «речной зверь». Запомни, пожалуйста! Соответственно, уникальный природный объект посреди реки называется островом Речного Зверя. Не буду сейчас рассказывать о нем подробно, потому как на днях, быть может, завтра, ты

увидишь его собственными глазами и сама оценишь всю его жуткую прелесть!

– Знаешь, милый, я потихоньку начинаю верить, что ваш Белособорск действительно наполнен удивительными чудесами!

– Не сомневайся! Однако продолжим наш историко-этнографический экскурс. Надо сказать, дорогая, что местность, на которой расположен Белособорск, имеет четко выраженный равнинный рельеф. У нас любой холм чуть выше песочницы называют горой. Две таких приметных горы расположены на левом берегу Ракидона. Одна из них называется Белой, оттого, наверное, что на поверхность выходят пласты известняка. Именно на Белой еще чуть ли не со времен первого крещения Руси поднялся собор. Тоже белый, с золочеными куполами, он был виден в хорошую погоду за десятки километров. Этакий сухопутный маяк для всей округи. Тут пролегли торговые пути, стали селиться ремесленники... Так и возник город. А собор, кстати, красуется на горе до сих пор, хотя и перестраивался несколько раз. Ты его увидишь и оценишь сама. – Я кивнул на фужеры, мы выпили еще по глотку, после чего я продолжил: – Выше по течению, как раз напротив острова Речного Зверя, находится другая «гора» – Папоротниковая.

Лет триста назад новый хозяин Белособорска граф Половецкий возвел на Папоротниковой горе дворец, а вокруг устроил парковую зону, которую назвал в честь своей жены

«Дианой». Дорогая, ты следишь за ходом моей мысли? Белая гора с древним собором – это третье чудо, а Папоротниковая гора вместе с дворцом и прилегающим дендрологическим парком – четвертое. Кстати говоря, дворец давно уже служит как музей.

– И, как я понимаю, именно в нем произошло то событие, к обсуждению которого мы постепенно приближаемся? – не отказалась от возможности поерничать Клара.

– Ты попала в самую точку! – кивнул я. – Более того, пятое и шестое чудо – это экспонаты музея. Начну, пожалуй, с перстня Старого Хранителя. Это такой серебряный перстенок, который состоит из семи разборных элементов. Шесть из них изображают в стилизованном виде извивающегося речного зверя. Седьмой элемент – круг с волнистыми линиями, символизирующий солнце. Перстень легко собрать, и тогда получится композиция из переплетающихся ящеров, пытающихся проглотить светило. Но стоит покатать собранный перстень между ладонями, как он легко рассыпается на элементы. Существует предание, согласно которому, только избранный может собрать этот перстень так, чтобы он представлял собой единое целое.

Другой замечательный экспонат – это бронзовый охотничий капкан в форме крокодиловой пасти, полость внутри которой в точности соответствует размеру человеческой головы.

Капкан, похоже, не вызвал у Клары особого интереса.

А напрасно! Про это чудесное изделие следовало бы поговорить подробнее...

– Если я правильно поняла, все эти чудеса, так или иначе, привязаны к реке? – спросила Клара.

– Точнее, к Речному Зверю.

– Постой! Ты назвал шесть чудес. А где же седьмое?!

– Седьмым чудом является существо, известное у нас как белособорский оборотень! – мрачно изрек я. Тут выдержка мне изменила, и я добавил, нарушая продуманную схему моего рассказа: – Этого оборотня мой брат Алексей, строгий ученый-материалист, видел в музее собственными глазами в тот момент, когда произошло убийство. Оборотень, понятное дело, никаких следов не оставил. А потому подозреваемым номер один в убийстве стал Алексей, притом, что в тот вечерний час других сотрудников в музее не было, кроме него и зверски убитой вахтерши.

3. БЕЛОСОБОРСКИЙ ОБОРОТЕНЬ

– А ты правильно сделал, что сначала рассказал мне про семь чудес Белособорска, – сказала Клара. – Теперь я не удивлюсь и вашему оборотню. Наверное, он тоже какой-то особенный?

– Ты зришь прямо в корень! – кивнул я. – Других таких существ, думаю, нет более нигде на планете. Ибо *наш* белособорский оборотень это некий симбиоз крокодила и волка. От крокодила у него туловище, пасть и лапы. От волка – когти, уши и мощный загривок, покрытый рыжей шерстью и придающий оборотню своеобразный «горбатый» силуэт. По некоторым сведениям, он умеет перемещаться на двух задних лапах, и тогда делается похожим на человека, но человека карикатурного, каких нет в природе.

Вообще-то, о нем, этом чуде, существует великое множество преданий и легенд, уходящих далеко-далеко вглубь веков. Некоторые из этих мифов явно противоречат друг другу. Насколько мне известно, Алешка капитально занимался этим фольклором и даже подготовил толстенную монографию, вот только не знаю, сумел ли он ее издать. Ведь там добрых тысяча страниц, не меньше. Но ты, милая, не волнуйся, я не собираюсь пересказывать тебе весь этот

массив, а расскажу только один наиболее популярный сюжет, каких он запомнился мне еще в отрочестве...

Но сначала поднимем бокалы за наш праздник, за то, чтобы он всегда оставался с нами!

Клара поддержала тост, и я приступил к повествованию, о котором не вспоминал уже лет двадцать.

– Наш древний Белособорск, дорогая Ларочка, имеет очень непростую историю. Двести лет он находился в составе Литвы, еще двести – под властью Польши и лишь в середине 17-го века, так и не поддавшись ни ополячиванию, ни окатоличиванию, вернулся в лоно матушки-России. Именно тогда владельцем города, с его окрестными местечками и деревеньками, стал граф Василий Половецкий, отличившийся в ходе так называемой Второй русско-польской войны. Незадолго до этого граф женился на родной племяннице влиятельного придворного Диане Львовне и был счастлив в своем браке. По тогдашнему обычаю, аристократы зимой жили в Петербурге либо в Москве, а летом выезжали на природу, в свои поместья.

Осмотрев свою новую вотчину, Василий Половецкий решил возвести достойный его положения дворец на Папоротниковой горе, а вокруг разбить парк по всем канонам декоративно-садового искусства.

Строительство еще не началось, когда к графу явилась древняя старуха и суровым голосом возвестила, что если тот хочет избежать множества несчастий, то должен незамедли-

тельно отправиться на поклон к волхву-чародею, чей скит находится в лесу за Старощанскими болотами.

Граф хотел что-то уточнить, поднял глаза на старуху, а той уже и нет, словно испарилась!

Половецкий не страдал склонностью к суевериям, но все же отправился к отшельнику – просто из любопытства: мол, что за волхв-чародей обитает на его землях?!

С трудом отыскал он в дремучем лесу вросшую в землю избушку.

Навстречу ему вышел благообразный старец с длинной седой бородой и лучистыми синими глазами, которые словно прожигали насквозь.

Старец опирался на посох какой-то странной волнистой формы.

Приглядевшись, граф понял, что посох изображает стилизованную ящерицу, а набалдашник – ее разверстую пасть.

И сказал ему отшельник:

«Ты, граф, в наших местах человек новый, и, должно быть, еще не слышал про белособорского оборотня. А может, и слышал, да не придавал значения»...

«Я давно вышел из возраста, когда интересуются сказками нянечки», – ответил граф.

«Беда в том, человек, что оборотень уже находится рядом с тобой», – с выражением печали молвил старец.

Его уверенный тон и ясный, чистый взор привели графа в невольное смущение, но все же он усмехнулся:

«Любопытно было бы узнать, кто же это?»

«Это Гавиали, итальянский архитектор, который приехал в твой дом только вчера», – без тени сомнения произнес старец.

Граф занервничал:

«Гавиали – образованный, милый человек, имеющий безупречную репутацию! Мне его рекомендовал князь Долгополов, которому он удачно спроектировал усадьбу под Москвой».

«Того Гавиали уже нет в живых, – покачал головой старец. – Его убили по дороге в Белособорск. Оборотень принял его облик и явился в твой дом, располагая подлинными документами чужеземного архитектора».

«Почему я должен верить во все эти нелепицы?!» – уже в гнев вскричал Половецкий.

«Возьми этот перстень и после захода солнца прикоснись им на миг к тому, кого считаешь архитектором, но так, чтобы тот не заметил твоего движения. Более не предпринимай ничего. Если то, что ты увидишь, хоть в чем-то тебя убедит, то приходи ко мне снова, когда захочешь, и мы продолжим нашу беседу. Перстень можешь пока оставить у себя»...

Уже на завтра утром граф снова был у старца.

«Как мне поступить с этим страшным существом?! – воскликнул он. – Что ему требуется от меня, почему он пробрался в мой дом?!»

«Не беспокойся, граф, я научу тебя, как избавиться

от оборотня, – молвил старец. – Но сначала отвечу на твой второй вопрос... В том зеленом и тихом уголке, где ты собираешься обосноваться, человеке, обитают тени забытых ныне богов. Но после них остались святыни, сохраняющие свою ценность. Ответственность за судьбу этих святынь несут Хранители. Это мирные и скромные люди, которые стараются держаться подальше от мирской суеты. Хранители никому не причиняют вреда. Лишь посягательство на святыни превращает Хранителя в карающий меч!»

«Ты, старец, и есть Хранитель?» – догадался граф.

«Один из Хранителей», – кивнул тот.

«Кому же понадобилось покушаться на святыни забытых богов?» – сощурился граф.

«Кроме нас, Хранителей, о древних богах знают Менялы – люди, лишённые не только святости, но и совести. Знают они и о том, что в святынях сокрыта мощь, которая позволяет повелевать другими людьми. Но Менялы предпочитают действовать чужими руками. Их орудия – оборотни, теперь ты понял?»

«Но я-то здесь при чем?!» – воскликнул граф.

«Ты, человеке, затеваешь большое строительство по берегу Ракидона, в заповедных местах, – сказал старец, не сводя с собеседника взгляда своих пронзительных синих глаз. – Невольно, сам того не ведая, ты можешь открыть дорогу к святыням. Именно этого и ждут Менялы, пославшие к тебе оборотня под видом чужеземного архитектора, который

стал бы тайно направлять тебя на эти пути, не вызывая никаких подозрений».

«Но я уже не могу отступить! Я поведал о своих планах даже матушке-императрице, и она вполне одобрила мои намерения!»

«Тебе и не нужно отступать, – огладил бороду старец. – Возводи дворец, разбивай парк, как задумал, но только выполни несколько простых условий, которые обезопасят тебя и твою семью. Об этом мы с тобой еще успеем поговорить. Но сначала надо извести оборотня, а еще лучше, вывести через него имя того Менялы, который тайно владеет всем Белособорском. Ибо поймаешь одного оборотня, Меняла пошлет другого. Надо ловить самого Менялу! Он настолько хитер и искусен, что никто из нас, Хранителей, не знает его ни в лицо, ни по имени. А вот Меняла знает всех нас наперечет! Да-да, граф, твоя власть велика, а его власть беспредельна! И если ты не найдешь и не одолеешь этого Менялу, то еще много несчастий выпадет и на твою долю, и на долю твоих потомков. Однако не будем забегать вперед, тем более что запас времени у нас еще есть. Сейчас твоя главная задача, граф, ничем не выдать себя перед лже-архитектором, чтобы он даже не догадывался о том, что разоблачен. Сходи также на Ярмарочную улицу, в мастерскую медника Григория, покажи этот перстень и закажи капкан на оборотня. Григорий знает, и все сделает в лучшем виде»...

Тут я взглянул на часы и понял, что если хочу завершить

эту историю сегодня же, за столиком кафе, то должен излагать ее в виде тезисов.

– Вообще, скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается... Далее наша история снова распадается на версии. Но если не вдаваться в подробности, то основные ее пункты сводятся к следующему...

Граф с помощью капкана в виде крокодиловой пасти все же разоблачил оборотня и расправился с ним, как тот того заслуживал.

Граф построил дворец и разбил парк, но Менялу, увы, так и не вычислил.

А вот таинственный Меняла, похоже, был более информирован и не простил графу его договора с Хранителем.

Как-то осенью, когда граф был на охоте со всей своей свитой, в его доме произошла ужасная трагедия.

Жену графа, в честь которой был назван парк, нашли на лужайке за дворцом со страшными ранами на шее.

Характер этих ран не оставлял сомнений в том, чьих рук, вернее, чьих когтей, это дело.

Вот тут-то граф поклялся, что непременно найдет и накажет Менялу, пускай бы даже пришлось истратить для этого все свое состояние.

Кто знает, может, и исполнил бы граф свою клятву, но вскоре, ранней весной, когда повеяло первым теплом, стряслась новая беда.

Кто-то из прислуги переходил реку как раз перед дворцом

и уже у самого берега провалился в запыренную снегом полыню.

Граф был первый, кто заметил тонувшего через окно дворца.

Он тут же выскочил наружу, как был, легко одетый, бросился на помощь и сам оказался в ледяной воде.

Сбежались люди, спасли обоих, но граф сильно простудился, и ему день ото дня становилось все хуже.

И вот, почувствовав, что приближается его последний час, граф, собрав все силы, вышел из комнаты на балкон, откуда открывался вид на лужайку, где стояло бронзовое изваяние графини в виде охотящейся Дианы, и на реку, где уже вскрылся лед.

Погода стояла жуткая, шел мокрый снег, свистел ветер, на остров Речного Зверя напоззали крошащиеся льдины...

И закричал тогда граф, обращаясь в сторону Старощанского леса:

«Старец-Хранитель, слышишь ли ты меня?!»

Тотчас на вершине острова возникла благообразная фигура с длинной бороздой, развевающейся на ветру.

И взмолился граф:

«Послушай, Хранитель! Я знаю, что ваш род обладает чудодейственной силой! Ты почти всемогущ! Прошу, продли мне жизнь хотя бы до осени, чтобы я мог изобличить и покарать истинного убийцу моей жены! Не могу же я предстать перед своей возлюбленной Дианой, сетуя, что она так

и осталась неотомщенной! Помоги мне, жрец забытых богов! А взамен проси что угодно, хоть мою душу!»

Старец находился на значительном удалении, но граф ясно видел его синие глаза и внятно слышал голос, хотя тот говорил, не напрягаясь.

«Мне не нужна чужая душа. Да и могущество мое не так велико, ведь я не Творец! Но все же я помогу тебе, человеке, пускай и не так, как ты о том просишь. Ты останешься на земле, но в виде бесплотного духа, и уже никогда не сможешь поднять оружие против злодея. Зато ты обретешь дар все видеть и слышать, повсюду незаметно проникать. Рано или поздно найдется смельчак, который бросит вызов темной силе. Тебе будет дано помочь этому смельчаку. Но только один-единственный раз, крепко запомни это! Если твоя помощь окажется удачной, заклятие с тебя будет снято, и твоя душа воспарит на небеса. Но если, граф, ты поторопишься либо ошибешься, если злодей снова возьмет верх, то скитаться тебе по аллеям парка до скончания веков! Помни: только одна попытка! Согласен ты на такое условие?»

«Благодарю тебя, старче!» – воскликнул граф, а уже через минуту упал на руки подбежавших слуг и испустил дух.

Но уже назавтра поползли слухи, будто безмолвную тень графа в шляпе с пером и с боевой шпагой на боку видели то в одной, то в другой аллее парка...

– Вот такая история приключилась либо могла приключо-

читься в нашем славном Белособорске в былые времена! – этим восклицанием я завершил, наконец, свой рассказ.

– В этой истории действуют аж четыре мистических персонажа! – заметила Клара. – Кроме оборотня, еще бесплотный дух графа, а также некий Хранитель и совсем уж таинственный Меняла.

– Неважно! – пожал я плечами. – Все же самым популярным героем городского фольклора, как ни крути, остается оборотень, ибо он появлялся в нашем городе еще не раз.

– Значит, граф так и не использовал своей единственной попытки?

– В том-то и штука!

– А что стало с перстнем и капканом?

– Это поразительно, но они прошли через все войны и потрясения и сохранились до наших дней, но уже в виде экспонатов музея. Перстень представлен в разобранном виде. По легенде, он распался на части после физической смерти графа, и обретет свою целостность лишь после того, как дух графа посредством избранного смельчака покарает Менялу. Между прочим, еще в дни моей юности в любом городском киоске можно было купить сувенир «Перстень Старого Хранителя», или, как его еще называли, старого волхва. Семь элементов, из которых требовалось собрать единое целое. Утверждали, что это точные копии музейного экспоната. Сувениры делались из латуни, бронзы, прочих сплавов, даже из пластмассы. Порой весь город охватывала поваль-

ная эпидемия – народ часами пытался собрать эту, на первый взгляд, простую головоломку. Некоторым будто бы удалось. Но стоило такой перстенок покатать между пальцев, как он снова рассыпался на витки-ящерицы. А должен был сидеть как литой... Словом, секрет так и остался неразгаданным. Зато с капканом – никаких загадок. По воскресеньям, когда в музее собирается особенно много посетителей, специальный служитель демонстрирует работу этой чертовой машинки. Стекла дрожат! Механизм работает как часы, а ведь ему уже два века! Представляю, что станет с оборотнем, если он угодит в ловушку!

– И ты видел этот капкан собственными глазами?

– Десятки раз! Представь себе вот такие бронзовые челюсти, – я расставил руки подобно рыбаку, похваляющемуся крупной добычей, – усеянные рядами острых зубьев. Натуральная крокодиловая пасть. Каждая челюсть заканчивается полукольцом. Взявшись за эти полукольца, два человека, именно два, поскольку в одиночку с этим не справится никакой геркулес, заводят капкан, имеющий три статичных положения – на 90, 120 и 180 градусов.

Теперь стоит только освободить защелку, как челюсти захлопываются со страшной силой – бац! – Увлечшись, я сшиб обе ладони над столом.

С соседних столиков на нас покосились.

Клара провела своей ладошкой по моей руке:

– Теперь, когда вступление закончено, ты можешь повто-

ритель мне слова своей мамы?

Я снова посмотрел на часы:

– Мама говорила мне с чужих слов, передала те слухи, которые циркулируют в среде ее подруг. Алексей на эту тему дома вообще не говорит, отмалчивается. Мама – человек очень справедливый, но субъективный. Ведь она все-таки убеждена, что где-то в Москве, в Кремле, есть большая и светлая палата, в которой собраны все законы, в том числе главный закон, гласящий: «Алексей Голубев из Белособорска ни в чем и никогда не может быть виноват, потому что он честный и порядочный гражданин». Надо лишь, чтобы в эту палату вошел неподкупный Блюстителъ закона, открыл этот закон и велел бы строго указать нашим городским властям: «Немедленно оставьте Алексея в покое, и объявите всем, что на нет никакой вины!» Да, именно таким образом, с точки зрения матушки, должно быть восстановлено честное имя ее сына и моего брата. Других вариантов для нее попросту не существует!

– А ты? – спросила Клара. – Ты веришь в брата?

– Могла бы и сама догадаться. Как и всякий живой человек, он, конечно, тоже может наломать дров. Но лишь по неосторожности либо в силу стечения обстоятельств. Однако здесь, как мне представляется, что-то другое... Что? Не будем сейчас гадать.

– А можно задать тебе прямой вопрос? Твой Алексей не балуется травкой?

– Нет, абсолютно. И пьет крайне умеренно.

– Но ведь ты не видел его четыре года.

– Но рядом с ним есть мама. Она давно подняла бы тревогу, если бы хоть что-то было не так. Думаю, нам не надо выстраивать сейчас шаткие гипотезы на песке. Здесь тот случай, когда утро точно вечера мудренее. Утром на вокзале нас встретит Алешка, вот прямо там мы его с тобой как-нибудь и расколем вдвоем.

– Наверное, это и вправду лучший вариант, – вздохнула Клара и подняла на меня глаза. – Мы вытащим его, Славик! У тебя ведь уже есть какая-то задумка, да? Я же чувствую!

– У меня в Белособорске есть друг, Клара. Настоящий друг, хотя мы тоже не виделись много лет, гораздо больше четырех. Мы подружились еще в шестом классе. А зовут его Владимир Дрючков. Школьное прозвище – Дрючок. Вообще, нас было пятеро неразлучных друзей, так называемая «хмельная компания», хотя вино тут не при чем. Откуда такое название – расскажу как-нибудь после. Впрочем, компания давно распалась, и по-настоящему близким другом остался для меня только Вовка Дрючков.

– И кто же он в вашем городе, этот твой Вова Дрючков?

– Полковник Владимир Дрючков – начальник местной милиции! – отчеканил я.

– Что-о?.. Ах, ты! – Клара шутливо погрозила мне кулачком. – И как не стыдно, имея такого друга, пугать бедную женщину жуткими легендами?!

– То-то мне и тревожно, что он молчит, – признался я. – Будь Алексей чист, Вовка уже давно нашел бы способ успокоить матушку... – И тут я вдруг понял одну простую вещь: – Ведь первым мне должен был позвонить Вовка! Вовка, а не мама! Но он почему-то не позвонил...

4. БРАТ АЛЕКСЕЙ

В Белособорск мы прибыли около восьми утра. Стоянка поезда – десять минут. День начинался субботний и обещал быть солнечным. Да и вообще, в нашем славном Белособорске, лежащем почти на тысячу километров южнее Москвы, последняя декада августа, как правило, бывает погожей.

В вокзальной сутолоке я не сразу разглядел Алешку. Но вот мой взор выхватил из толпы его внушительную фигуру, облаченную в выходной костюм и белую рубашку с галстуком, – не иначе, мама заставила принарядиться. На его физиономии сияла широкая улыбка, этаким образчик беззаботности. Но я-то знал, что подобной улыбкой братец обычно маскирует свое смятение.

Я спрыгнул на перрон, помог спуститься Кларе, снял сумки, а еще через полминуты мы с Алешкой оказались лицом к лицу.

– Ну, здорово! – поприветствовал я его.

– Здорово! – в тон ответил он.

Мы обнялись, прижавшись щекой к щеке. Затем я представил ему свою спутницу.

Алексей принялся делать Кларе какой-то витиеватый комплимент, но, запутавшись, закончил его взмахом руки: мол, красота не нуждается в толковании. Кавалер из него неважный. Но Клара ему понравилась. Это было заметно.

Я всмотрелся в Алешку пристальней, и внутри у меня защемило. Брат сильно сдал за те четыре года, что мы не виделись. Полысел, в лице появилось что-то усталое, тревожное. Рановато бы ему превращаться в старую развалину.

Впрочем, да я ведь и сам не стал за это время моложе.

На перрон со стороны привокзальной площади вдруг хлынула густая толпа. Нас теснили и сдавливали со всех сторон. Что за демонстрация такая, откуда вдруг столько народу?!

Ах, да, вспомнил я, ведь сейчас должна подойти утренняя электричка на Фуров!

Между тем, надо было немедленно переговорить с Алексеем о главном.

Я указал ему на самую тяжелую сумку:

– Хватай поклажу, господин гуманитарий!

– Только ради твоей прекрасной спутницы, господин домашний любимчик! – парировал он и, подхватив сумку, будто пушинку, как бык ринулся через толпу. – Айда скорее на автобус, пока не подошла электричка, а то не втиснемся!

– Алеша, притормози! – бросил я ему в спину. – Плевать на автобус!

Он послушно свернул к багажному отделению, где сейчас не было ни души, и поставил сумку у стены. Здесь мы сошлись в кружок.

– Алексей, расскажи коротко и связно, что произошло? – Я посмотрел ему в глаза. – Быть может, дома знают не все, поэтому я и предлагаю поговорить на природе. Кла-

ры не стесняйся, это свой человек. Я полностью ей доверяю. И тебя призываю к тому же.

Алексей снова широко улыбнулся. Не без тревоги я вдруг осознал, что эта его улыбка меня пугает.

– Ты спрашиваешь, что произошло? – В его голосе явно слышались торжествующие нотки. – А случилось то, что я, может, близок к крупному научному открытию. – В его глазах вспыхнули знакомые мне сумасшедшие огоньки: – Быть может, историю всего нашего края, а то и отечества придется писать с чистой страницы!

– погоди, братец! Какая история?! Я хочу знать, что случилось в музее.

– Ах, в музее... – Он сразу обмяк, будто перенесся с небес на грешную землю. – Ну, понимаешь... – Достал сигаретку, оторвал фильтр – еще один признак сильного волнения – и закурил. Искоса посмотрел на меня. – Ага, теперь я понимаю, почему ты приехал. Мамаша панику подняла. Позвала практичного и хорошо знающего жизнь Славочку на помощь. Только я ни в чьей помощи не нуждаюсь. Милиция найдет виновных и во всем разберется. А Галине Андреевне ничем уже не поможешь.

– Лешка, не изображай киношного чудака-профессора, – попросил я. – Перед Кларой неудобно. Расскажи в самых общих чертах, что произошло, а подробности обмозгуем после.

– Ладно, все равно ведь не отвяжешься, – буркнул он. – В общем, в прошлую пятницу я допоздна задержался на ра-

боте. Делал выписки из источников, ну, и увлекся. Вдруг зазвонил внутренний телефон. Я машинально взглянул на часы: стрелки приближались к десяти вечера. Звонить могла только Галина Андреевна – дежурный вахтер. Кроме нас двоих в музее давно уже никого не было. Я так и решил, что она хочет напомнить мне, что уже поздно и пора идти домой.

Я снял трубку и услышал какой-то странный, даже пугающий звук, похожий на хрип задыхающегося человека.

«Галина Андреевна, с вами все в порядке?!» – спросил я, припоминая, что у нее больное сердце.

Ответом мне был еще один странный звук, который я назвал бы рычанием.

Это продолжалось несколько секунд, затем связь оборвалась.

Мне не оставалось ничего другого, как самому отправиться на пост дежурного.

– Расположение помещений в нашем музее-дворце таково, Клара, – Алешка повернулся к ней, – что, спустившись по служебной лестнице вниз, я оказался в конце главного коридора первого этажа. Вообще-то, вестибюль делит коридор пополам, но пост дежурного находится несколько в глубине, у парадной лестницы, так что видеть я его не мог. Зато я отлично видел существо, которое находилось в дальнем от меня конце коридора.

Это был наш легендарный оборотень, точно такой же, как на картине местного художника 19-го века Николая Само-

хвалова, которого наши горячие головы называют «белособорским Брюлловым».

Эта картина, висевшая в вестибюле, тоже была перед моими глазами, так что я имел полную возможность сравнивать.

Оборотень-крокодил с волчьим загривком смотрел прямо на меня, раскачиваясь на своих мощных лапах.

Затем он повернулся ко мне боком, как бы демонстрируя себя во всей красе.

Еще через несколько секунд он медленно затрусил к повороту в дальнем конце коридора.

Никаких агрессивных намерений на мой счет он не обнаруживал, и, наверное, это придало мне храбрости.

Напротив меня на стене висел противопожарный щит.

Я сорвал с него багор, ведь в вестибюле находилась Галина Андреевна, наверняка, нуждавшаяся в моей защите, и двинулся вперед, вдогонку за этим ряженым крокодилом, которого, как мне почудилось, подзывал к себе свистом кто-то, стоявший за поворотом коридора.

– Алеша, почему вы назвали это существо «ряженым крокодилом»? – спросила Клара.

– Как ученый, я не очень-то верю в оборотней, особенно, разгуливающих на фоне картины со своим изображением. Зато очень хорошо знаю, что за многовековую историю Белособорска находилось немало ловкачей, пытавшихся использовать древнюю легенду в своих интересах. Позднее, Клара, я приведу вам пару-тройку любопытных приме-

ров на этот счет. Впрочем, все здравые мысли мигом выскочили из моей головы, когда, достигнув вестибюля, я увидел Галину Андреевну, нашу добрую, всегда приветливую сотрудницу, всю залитую кровью. Я бросился к ней, но она уже была мертва. Подсознательно я заметил, что трубка внутреннего телефона лежит на рычагах. Я тут же позвонил в «скорую» и в милицию. Затем какую-то минуту я, должно быть, метался по вестибюлю, поняв вдруг, что не знаю, как открыть главный вход, находившийся на сигнализации. Тем временем, оборотня и след простыл. Я помчался к служебному входу, расположенному в административном крыле, входу, которым всегда пользовался сам. Привычно открыл дверь, и только тогда до меня дошло: дверь-то была закрыта не только на ключ, но еще на засов и цепочку. Иными словами, в момент убийства оба входа в музей были накрепко закрыты изнутри! Как же оборотень мог появиться в коридоре?! И куда он подевался после всего, что случилось?! А тут уже примчалась «скорая», за ней милиция, и колесо завертелось!

Алексей вздохнул:

– Милиция не обнаружила никаких следов пребывания в музее посторонних в ту ночь! Нет и следов, указывающих на проникновение в здание извне. Все внутренние двери закрыты, стекла целы, телефоны и системы сигнализации исправны. Даже на трубке внутреннего телефона отсутствуют отпечатки пальцев! Есть только труп со страшными рана-

ми на шее, какие, согласно легенде, оставляет оборотень. А по этой причине моему рассказу нет никакой веры... Следователь Цинюк, который ведет мое дело, так мне и заявил. Но, похоже, теперь им все-таки придется поверить! – вдруг добавил он с какой-то странной экспрессией.

– Что означает твое последнее замечание, братец? – спросил я.

– Вчера вечером, еще не очень поздно, в своей квартире был убит муж Галины Андреевны, дядя Гриша.

– Откуда у тебя такие сведения? – изумился я.

– Оперативная группа пригласила понятых, одним из которых был садовник нашего парка, живущий в том же подъезде, что и дядя Гриша. Он, то есть, садовник, позвонил мне и все подробно рассказал.

– А этот дядя Гриша – ты его тоже знал?

– Еще бы! Дядя Гриша работал у нас реставратором много лет. Не уходил, несмотря на небольшую зарплату. Специалист от Бога!

Так-так...

– Какой смертью он погиб?

– Его голова была отделена от тела. Точнее, словно оторвана какой-то чудовищной силой. По мнению садовника, голову дяде Грише попросту «откусили» украденным капканом.

– Какой ужас! – вырвалось у Клары.

Алексей поочередно обвел нас взглядом, начав с Клары:

– Только учтите, дома я никому не говорил – ни маме, ни Лиле, ни дочке, ни, само собой, соседям. И вообще, эта страшная новость еще не облетела город. Но завтра, полагаю, о голове несчастного дяди Гриши будут судачить на каждом углу.

Похоже, события только начинают раскручиваться.

Кажется, мы с Кларой приехали очень вовремя.

– Из музея что-нибудь пропало? – поинтересовался я.

– Два экспоната из зала оборотня.

– Что именно? – спросил я, уже предугадывая ответ.

– Перстень Старого Хранителя и тот самый бронзовый капкан. А еще с лужайки за дворцом исчезла хорошо известная тебе бронзовая скульптура графини. Никто не может понять, как же ее сняли. Вокруг того места даже трава не прижата. Ну, и как итог: наш директор Перехватин Тихон Анатольевич угодил с острым сердечным приступом в городскую больницу.

Послышался протяжный гудок. Со стороны Старощанского поселка подкатила электричка.

Едва двери распахнулись, как из вагонов повалила бойкая толпа, тут же бросившаяся на привокзальную площадь – на штурм старенького автобуса. Под напором разгоряченной массы тот закачался, как ванька-встанька. Не прошло и минуты, как он был набит под завязку.

– Ну вот! – сокрушенно вздохнул Алексей. – Теперь придется полчаса ждать следующего. А могли бы спокойно

сесть.

Я пропустил его реплику мимо ушей.

– Ладно, образ мыслей твоего следователя Цинюка мне теперь более или менее ясен. Кстати, что он за человек: молодой, старый?

– Мой ровесник.

– Тогда вам должно быть проще найти общий язык. А ты сам, брат? У тебя есть какая-нибудь версия?

Он снова поднял на меня глаза и проговорил очень спокойно:

– Пожалуйста, не считай меня идиотом. Я не хуже тебя понимаю, что все это выглядит очень странно. Но сам я не могу в этом разобраться. Вот и пускай разбирается следствие. Но я считаю, что лично я не имею права врать. Какими бы нелепыми ни казались мои показания, я должен говорить только то, что видел собственными глазами. Иначе затем, когда все прояснится, я окажусь в двусмысленном положении. А я этого не хочу, вот так-то, дорогой братец! Поэтому свои мудрые советы можешь приберечь для другого случая! Все! Айда на остановку! Кажется, подъезжает «заказной». Не то дома нас потеряют. – Он подхватил обе наши сумки и двинулся к площади.

Никакого «заказного» мы, конечно, ждать не стали. На площади я тормознул первого же частника, и он с большой охотой согласился довезти нас до места.

– А скажи-ка, братец, как там поживает полковник Вла-

димир Дрючков? – спросил я по пути.

– Не знаю, давно его не видел, – мотнул головой Алексей. – Но матушка, по-моему, сильно обижена на него за что-то.

5. СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

В дни молодости, когда мне довелось немало поскитаться не только по общежитиям и чужим углам, но и по вагончикам, палаткам и даже землянкам, отчий дом рисовался моему воображению этакой уютной и тихой обителью, куда не долетают отзвуки житейских бурь.

В действительности все выглядело много прозаичнее. Обитель помещалась в двухэтажном кирпичном здании на шестнадцать квартир, с тесными подъездами и скрипучими лестницами в них. Квартиры были маленькие, комнаты смежные, удобства совмещенные.

За последнее время домик, казалось, стал еще меньше. И все-таки это был родительский кров.

Не успели мы выбраться на тротуар, как из ближнего подъезда выбежала мама и бросилась к нам.

На маминых глазах были слезы – при случае она любит всплакнуть.

– Господи, наконец-то! Дай-ка я на тебя посмотрю... Молодец... Хорошо выглядишь, сынок! А это Кларочка? Хорошенькая...

Тем временем из подъезда выплыла Лиля – крупная и румяная женщина в духе кустодиевских мадонн. Она и в юности была крупной и румяной, что было ей весьма к лицу. Но сейчас приятная полнота начала переходить в тучность,

здорового румянца уже коснулась легкая сеточка морщинок, будто заранее готовя Лилю к роли бабушки.

Как и Алексей, Лиля тоже не желала замечать «грубых» реалий жизни, найдя для себя отдушину в мире классической русской литературы, золотой век которой, по ее убеждению, закончился после Льва Толстого и Чехова. Детективы, мистика, ужастики и эротические романы наводят на нее священный ужас. Лиля до сих пор не научилась краснеть как девочка. Вот и сейчас при виде Клары ее щеки стали пунцовыми.

Мы по-родственному расцеловались, после чего я представил ей свою спутницу и поинтересовался:

– А где же молодая поросль? Кто дал ей право отлынивать от встречи с любимым дядюшкой?

– У молодой поросли сегодня собеседования в вузе.

– Вот как? Так она готовится стать студенткой? В педагогическом?

– Да, на факультет русского языка и литературы. На вечернее отделение.

– Ага, значит, пошла по маминым стопам. Жениха еще нет?

– Что вы, Краснослав! – Лиля даже покраснела, будто я сказал что-то непристойное. (Кстати, она единственная из моих родственниц, да и знакомых тоже, кто всегда называет меня полным именем.) – Она же еще ребенок!

– Все! – решительно вмешалась мама. – Пойдемте в дом.

Нечего вести разговоры на улице. Слава богу, нам есть, где собраться. Ну, Лиля, зови же гостей к столу! – Слез нет уже и в помине, мама снова вошла в роль хозяйки-распорядительницы дома.

Поднимаемся на второй этаж. Старенькая лестница скрипит и прогибается под нашей тяжестью, будто жалуясь на горькую жизнь. Прихожая такая тесная, что разуваться надо по очереди.

В общей толчее я успел шепнуть маме, что у нас с Алешкой был серьезный разговор на вокзале, и что сейчас эту тему лучше обойти молчанием.

Дверь в комнату распахнута, и мне виден накрытый стол. Конечно, мама постаралась хлебосольнее встретить дорогих гостей. Но, в общем, она из тех хозяек, которые любят кухню и вкладывают в кулинарный процесс душу и фантазию. Из самых простых продуктов она умеет приготовить нечто удивительно аппетитное.

Четверть часа уходит на вручение подарков, осмотр квартиры и обычные в таких ситуациях процедуры.

Наконец хозяева и гости расселись за столом. Величественным кивком мама вручила мне бразды правления.

Я произнес короткий вступительный спич, смысл которого сводился к тому, что теперь, когда мы вместе, нам не страшна никакая беда, надо лишь не падать духом, а верить в удачу. Далее я деликатно подчеркнул, что хотя текущую обстановку нельзя назвать праздничной, но Клара в на-

шем кругу человек не чужой. Учитывая некую перспективу. А также энергию и находчивость гостыи. Между прочим, она с большой охотой согласилась посетить наш город.

Мое заявление расставило все точки над «и». Мама посмотрела на Клару с еще большим обожанием, Лиля – с сочувствующим интересом, ну а симпатии Алешки определились еще на вокзале.

Не нарушая традиции, я наполнил стопки, поднялся и предложил помянуть отца, чей фотопортрет с косо́й траурной полоской в нижнем углу стоял на серванте. Мама снова уронила слезу. Лиля всхлипнула. Алешка, беря с меня пример, поднялся. Мы молча выпили.

Выждав немного, я снова разлил по стопкам.

Мама принялась потчевать гостыю:

– Кларочка, деточка, попробуйте рыбку и во-он тот салатик...

– Спасибо, Людмила Николаевна, обязательно, все так вкусно!

Я обратился к Лиле с нейтральным вопросом:

– Что говорят в школе?

– Ну, что могут говорить современные дети, которых телевидение изо дня в день пичкает этими ужасными боевиками?! – воскликнула Лиля, чуточку манерничая в присутствии гостыи. – Говорят, что музей приобрел для охраны экспонатов крокодила, а тот на первом же своем дежурстве сожрал живого вахтера. То ли юмор у них такой, то ли они дей-

ствительно так мыслят!

Честно говоря, я не предполагал, что за столом, да еще с первых минут, возникнет тема музея.

А нашу тихую Лилию вдруг понесло:

– Уму непостижимо! – воскликнула она дрожащим голосом, всплеснув полными руками. – Жемчужина дворцово-парковой архитектуры европейского масштаба! Культурный центр обширного края! Имение, гостями которого в свое время были Пушкин и Дельвиг, Баратынский, Толстой Алексей Константинович, Тургенев, Лесков! Какую блестящую экспозицию славы русской литературы можно было бы создать на базе нашего музея! Но нет, они предпочитают тратить деньги на демонстрацию орудий убийства, на эти кошмарные залы оборотня, эту дешевую мишуру!

Алексей угрожающе засопел:

– Может, объяснишь, что ты имеешь в виду под дешевой мишурой?

– А то! – отрезала она.

– Между прочим, эта «дешевая мишура» – эхо той жизни, которая кипела в Белособорске в седую старину, причем ниточка ведет еще глубже, почти на полтора тысячелетия назад! Именно там, в 6—7 веках, кроются истоки нашей истории, и тебе не следовало бы с такой неподражаемой самоуверенностью бросаться словами, смысла которых ты не осознаешь!

– Дешевая мишура!

Нашу милую Лилечку определенно укусила сегодня какая-то зловредная мошка.

Впрочем, я уже говорил, кажется, что бывали в отношениях между Алешей и Лилей редчайшие периоды, когда оба в унисон выпускали пар, вроде перегретых котлов.

Алексей, как и подобает мужчине, первым попытался взять себя в руки.

– Александр Сергеевич Пушкин пробыл в Белособорске неполных двое суток, – оповестил он нас. – Поэтому конкурировать с Царским Селом или с Болдино нам попросту смешно. Тем не менее, на втором этаже музея, в зале номер двадцать шесть, имеется стенд, посвященный пребыванию в нашем славном городе знаменитостей и властителей дум прошлого. Всякий желающий может с ним ознакомиться. Так что твоя подковырка, Лилечка, бьет мимо цели. Что же касается нашего белособорского оборотня, то это существо единственное в своем роде. История края связана с ним на протяжении столетий. Другого подобного феномена нет, быть может, в целом мире. Утверждаю это как специалист по мифологии. Поэтому логично, что именно оборотню отведено несколько залов в музее. Люди это понимают и едут именно к нам, чтобы соприкоснуться с малоизвестным периодом в истории нашего отечества. А тот, кто хочет поклониться именно Александру Сергеевичу, едет в Болдино или в другое пушкинское место. И это правильно. Я сам люблю и почитаю Пушкина, но тоже поеду, скорее, в Болди-

но или в Царское Село, хотя отлично знаю, что порядка сорока часов своей жизни

Александр Сергеич провел в Белособорске. Всему должна быть своя мера.

– Выходит, нам крупно повезло!

– Может, и так, – улыбнулся Алексей, как бы демонстрируя, что проявляет чудеса терпеливости. – Кстати, Александр Сергеевич не обходил молчанием тему нечистой силы: «Руслан и Людмила», «Бесы» – да что там, четверть творчества! А другие классики?! Лермонтов – «Демон», Тургенев – «Записки охотника»... Помнишь: «бьяша-бьяша...»?

– Гоголя забыл! – с вызовом вставила Лиля.

– Да! Гоголь! Особенно Гоголь! Они – знали! Они – чуяли это нутром!

– Что – это?

Алексей нетерпеливо поерзал на стуле:

– Тебя ведь не удивляет, что природа создала такие совершенно разные существа, как слон, муравей и рыба-меч? Почему же ты не хочешь напрячь воображение и признать, что ряд можно продолжить и в нем найдется место и для леших, домовых, дворовых, полевиков, водяных, кикимор?

– Слона я могу увидеть в зоопарке, муравья в лесу, а вот встречать кикимору что-то не доводилось!

– А ты пойдй в комнату смеха и посмотри в кривое зеркало! – бухнул вдруг мой братец.

За столом воцарилось неловкое молчание. Признаться,

подобного пассажа я ожидал от Алешки меньше всего.

Лиля буквально окаменела.

– Алексей! – Мама строго стукнула ладонью по столу.

– Ну, знаешь! – Лиля – тихая, домашняя Лиля – швырнула вилку на стол и выскочила в другую комнату.

Вот те раз! Вот так семейный совет!

– Меня не так поняли! – отчаянно завопил Алешка. – Все меня не так поняли! Я никого не хотел оскорбить! Я всего лишь хотел напомнить об эффекте кривого зеркала! О том, что вокруг нас мир условностей!

– Господи! – Мама закрыла лицо ладонями. – Алеша, ты хоть сам понимаешь, о чем говоришь?! Немедленно извинись перед Лилей!

– Глупо все, ч-черт... – Он неловко выбрался из-за стола и тяжело протопал за портьеры.

– Вы, Кларочка, не беспокойтесь, – принялась оправдываться за него мама. – Алеша – очень хороший, скандалов у них почти не бывает, просто сейчас все на нервах.

– Я понимаю, Людмила Николаевна, – кивнула Клара. – Вы только сами не волнуйтесь.

– Погодите, дети, раз уж так получилось... – опершись о стол, мама поднялась со стула: – Я вам дам сейчас газеты, которые специально приберегла к вашему приезду. Хорошо бы только, чтобы Алеша не увидел, а то опять будет сердиться. – Поглядывая на смежную дверь, за которой слышался неясный рокот голосов, мама достала из серванта, где хра-

нились ее бумаги, две местные газеты и протянула их мне.

Я передал их, не разворачивая Кларе, и она, понимающе кивнув мне, деликатно выскользнула на кухню.

Мама с мольбой посмотрела на меня:

– Он просто переработал, да же понимаешь, Слава?! Мы с Лилей уже решили: как только закончится весь этот бедлам, заставим его взять отпуск и отправим куда-нибудь отдохнуть. Если ты, Слава, немножко поможешь деньгами. Ты ведь знаешь его заработки и нынешние цены.

– Обязательно помогу, мама, – тихо ответил я. – И ему, и всем вам. В меру своих возможностей.

– Вот спасибо, сынок, – просто ответила она. – А твоя Клара точно не обидится на нас за этот скандал?

– Ну, какой это скандал, мама?! Милые бранятся – только тешатся. Ты мне лучше расскажи, как поживает товарищ полковник Вовка Дрючок?

Мама принялась перекладывать на скатерти вилку с места на место – верный признак душевного волнения.

– Не знаю даже, что тебе ответить, сынок. Его перевели в Белособорск года два назад. Иду я однажды с базара домой – с полными сумками, как всегда, – вдруг рядом останавливается машина, и кто-то кричит из нее: «Тетя Люда! Тетя Люда!» Оборачиваюсь: он, Вовка! Такой же белобрысый, с теми же веснушками, только погоны полковничьи. Довез он меня до дому, сумки занес в квартиру, о тебе расспрашивал, просил привет передавать. Если что случится,

тетя Люда, обращайтесь прямо ко мне, говорит. Помогу, мол, чем смогу. Звонил иногда. На Восьмое марта, под Новый год. Поздравлял да справлялся, не обещаешь ли ты приехать. Неужели я тебе не писала?!

– Писала, – успокоил я ее.

– Ну вот. А когда приключилась с Алешей эта неприятность, я приделалась и пошла в милицию, – продолжала матушка тихим голосом. – К Володе. Просто хотела попросить, чтобы разобрались внимательней. Материнское сердце знает, если сын не виноват. Говорю дежурному: я, мол, такая-то, по такому-то делу, хочу видеть вашего начальника, он меня сам приглашал. А тут смотрю – Володя собственной персоной заходит с улицы. Я к нему: «Володечка!» А он так холодно: «Извините, гражданка, сегодня приема нет!». А сам – зырк глазами в сторону, шмыг в дверь – и поминай, как звали! Вот тебе и школьный друг! Я так и обомлела. Ведь не за милостыней к нему приходила!

– Он сказал тебе: «Приема нет» и назвал гражданкой? – изумился я. – И после не позвонил, ничего не объяснил?

– Да, сынок. Извини меня, старуху, за прямоту, но Володя поступил некрасиво. Просто непорядочно. Я никак от него этого не ожидала!

Я поцеловал матушку в щеку:

– Никакая ты не старуха, а симпатичная дама интересного возраста. А что касается Дрючка, то он мне больше не друг, и не будем о нем говорить за семейным столом.

В прихожей зазвонил телефон.

– Наверное, кто-то из моих подружек любопытствуют, как там поживают мои гости, – предположила матушка.

– Сейчас узнаем.

Я вышел в прихожую и снял трубку.

– Алло!

Молчание.

– Алло! Говорите! Вас слушают!

– Спокойно! – ответил знакомый хриловатый голос. – Не называй меня по имени. Помнишь то место, откуда мы делали вылазки за запиской?

Вовка! Я едва сдержался, чтобы не обложить его непереваемой игрой слов. Впрочем, эмоции следовало держать в кулаке.

– Так помнишь? – тихо повторил он.

– Потайной лаз?

– Именно. Сможешь там быть через полчаса?

– Полагаю, да.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, он повесил трубку.

– Сын, кто там? – поинтересовалась из комнаты матушка.

– Ошиблись номером.

Клара вышла было в прихожую, но я сделал ей знак, и мы уединились на кухне.

– Дрючков приглашает меня на срочную встречу без галстуков, – сообщил я ей.

– Ну, вот видишь! Значит, ему все-таки есть что сказать.

– Никому пока ни слова, даже маме. Не будем возбуждать ложных надежд. Я обернусь быстро. А ты, милая, утихомирь как-нибудь домашние страсти. Не знаю, что с ними сегодня случилось.

– Я постараюсь, – она и протянула мне газеты. – Прочитай по дороге. Тут, как мне кажется, есть информация к размышлению.

Я заглянул в комнату. Алешка с Лилей все еще объяснялись за портьерой.

Мне оставалось лишь найти благовидный предлог для отлучки.

– Мама, извини, но я должен покурить, а сигареты как нарочно закончились. Так что прогуляюсь, пожалуй, до торгового центра, а заодно подышу свежим воздухом, – изрек я первое, что пришло в голову.

– Да что же ты, сынок, не успел приехать, и опять из дома! – забеспокоилась мама. – Я выдам тебе пачку из запасов Алеши, раз уж вы оба так и не сумели избавиться от этой вредной привычки.

– Нет-нет, мама, у нас с Алешкой разные вкусы. Вернусь через часок. Надеюсь, к тому времени в доме будет тишь и покой. Просьба не донимать Клару занудными расспросами. Ну, я поскакал!

6. ПОТАЙНОЙ ЛАЗ

...В ту далекую уже осень в нашем восьмом «В» сложилась крепкая, хотя и краткосрочная компашка из пяти пацанов. Кроме нас с Дрючком, в нее вошли Сашка Загвоздкин, Женька Багрянский и Алый-Малый. Дискотек в ту пору не существовало, о видиках и слыхом не слыхали, на танцплощадку нас не пускали, да не очень-то и тянуло, и мы все вечера бесцельно слонялись по городу в поисках приключений. Алый-Малый, самый сильный среди ровесников не только в нашем классе, но и, наверное, во всем городе, регулярно предлагал нам для веселья затеять драку с парнями из третьей школы, но поддержки не получал. Может, оттого, что остальные не были прирожденными драчунами.

Как-то раз наша вечерняя прогулка закончилась на площади перед парком «Диана». Вдоль центральной аллеи, уже закрытой для посетителей, горели фонари, но сам парк лежал темной затаившейся массой.

– А что, орлы, слабо прогуляться сейчас до графини и обратно? – неожиданно спросил Дрючок.

– Как два пальца обшлюнявить, – хмыкнул Алый.

– Э, нет, – хитро сощурился Вовка. – Кодлой идти, конечно, проще пареной репы. А если по одному? И не по центральной аллее, а по дальней, неосвещенной – между Ракидоном и оврагом.

При этих словах у меня по спине пробежал холодок. Ду-
маю, у других тоже.

– Этак любой может постоять десять минут за забором,
а после поклясться, что обнимался с графиней! – хохотнул
Загвоздкин.

– А мы сделаем по уму, – спокойно возразил Вовка, дав-
но, по-видимому, продумавший свою идею. – Завтра после
уроков пойдем в парк и спрячем записку с нашими автогра-
фами в щель под статуей. А вечером соберемся на этом же
месте и кинем на пальцах порядок очередности. Только, чур,
я иду первым. Нас как раз пятеро, и получается четкая си-
стема. Я приношу записку, второй уносит ее на старое место,
третий приносит опять, четвертый уносит, пятый возвраща-
ет окончательно, после чего записка остается в нашей кол-
лекции навсегда. Какие будут возражения?

Возражений не было. Не сознаваться же в собственной
трусости! Тем более что «завтра» казалось очень далеким
днем. Завтра мог пойти дождь. Любого из нас по какой-то
причине могли задержать дома родители. Наконец завтра все
мы могли сделать вид, что совершенно забыли об этом раз-
говоре.

Однако события приняли прямо-таки неотвратимый ха-
рактер. После уроков мы отправились в парк, где сунули
в щель постамента бронзовой графини многократно сложен-
ный листок, на котором было начертано: «Здесь кайфовали
с оборотнем». Сбоку красовалось изображение улыбающе-

гося черепа и горящей свечи. Рядом в столбик шли наши подписи, причем каждый норовил подписаться позаковыристей. Подделать такую записку было невозможно.

Вдобавок настырный Дрючок предложил собраться у парка попозже, например, после девяти. Дабы усложнить испытание. Тем самым малодушный получал дополнительный шанс: родители, мол, не пустили.

Малодушных среди нас не оказалось. Собрались все.

Стояла, помнится, середина октября, вечер выдался пасмурным: облака обложили небо да еще налетали с реки порывы пронизывающего ветра. Под ногами шуршала листва, но деревья еще сохраняли свой пышный убор.

В окошечке милицейского поста горел свет, но мы и не намеревались пользоваться центральным входом. Любой местный пацан знал, что если пройти вдоль ограды по направлению к Ракидону полторы сотни метров и раздвинуть кусты, то можно обнаружить пролом, через который легко пройти на территорию парка. Даже не сгибаясь. Этим потайным лазом мы обычно пользовались по воскресеньям и праздникам, когда вход в парк становился платным. Но никогда прежде нам не доводилось приходить сюда поздним вечером.

Высоченный бетонный забор, состыкованный из плит, выпускаемых местным домостроительным комбинатом, тянулся не по прямой, а круто изгибаясь. Не успели мы пройти и полсотни шагов, как этот изгиб скрыл от нас не только фо-

нари центрального входа, но и всю площадь перед парком с ее светильниками и освещенными окнами домов. Лишь где-то далеко за Ракидоном дрожало несколько бледных огонечков.

И вот он, еще более темный, чем окружающий мрак, шатер, образованный высокими кустами, ведущий к пролому в ограде.

Каждый из нас назубок знал планировку парка. Тропинка через потайной ход выводила на одну из боковых аллей, весьма узкую и извилистую, которая даже в солнечный день казалась погруженной в сумерки. Эта мрачноватая и пустынная аллея делала крутой поворот почти под углом девяносто градусов и вливалась в другую, более популярную у туристов аллею, которая, в свою очередь, пересекала по мосту Оборотня овраг и распадалась на многочисленные тропинки, одна из которых заканчивалась у бронзовой статуи Дианы-Артемиды, где смельчака и ждала записка.

Вместе с тем, это был самый короткий путь. Я уже подсчитал, что в нем примерно двести шестьдесят моих шагов. Всего-навсего. Как два пальца облизнуть, если воспользоваться лексикой Алого-Малого. Какие-то шесть-семь минут, и ты выдержишь экзамен на звание настоящего парня.

Алый достал из кармана куртки пачку «Примы» и лихо закурил, приглашая последовать его примеру остальных. Курение в нашей среде считалось признаком взрослости. Все взяли по сигарете. Кроме Вовки Дрючкова. Он уже и тогда

не поддавался стадному инстинкту.

Вволю накашлявшись, мы сошлись в кружок. Сколько ни тyani, а делать дело надо.

Алый извлек из коробка пять спичек, обломал у одной головку, после чего перетасовал те за спиной и, зажав в руке, выставил перед нами:

– Тащите, кролики! У кого короткая, тот идет.

– Не надо, – спокойно возразил Вовка. – Первым пойду я.

– Это почему же? – сощурился Алый.

– Моя идея, мне и идти!

– Вот и иди! – моментально среагировал Загвоздкин. –

Иди себе, иди и иди! Все прямо и никуда не сворачивай! Авось избавишься от привычки соваться повсюду со своими гениальными идеями.

Алый неожиданно заартачился:

– Нет, первым пойду я, потому что везде должен быть первым!

– Только не сейчас! – выступил вперед Дрючок. – Был же уговор, что первым иду я!

Какое-то время они отчаянно спорили, и, казалось, Алый вот-вот затеет драку, но неожиданно наш геркулес уступил:

– Черт с тобой! Иди первым, если тебе так приспичило!

Но остальные потянут жребий! – и он снова выставил перед нами спички.

Вторая очередь досталась мне, третья – самому Алому, четвертая – Багрику и пятая Сашке.

Дождавшись итогов жребия, Дрючок поправил на себе ремень, постоял несколько секунд, словно собираясь с силами, и, решительно выдохнув «Ладно, ждите!», исчез в темноте.

Еще немного, и смолк шорох его шагов.

– Нет, парни, хреновую шутку придумал Дрючок! – заявил через какое-то время Алый, снова прикуривая. – Ну, призрак, ну, оборотень... И что из того? Уж лучше схлестнуться бы с придурками из третьей школы. Вот только представьте себе: берешь какого-нибудь слизняка за шкирку и нежно так спрашиваешь: «Ты почему вчера не поздоровался со мной, друг?», а после – хрясь его по роже, еще раз – хрясь! Кайф полный! Особенно если у того из носу потечет. Вот где балдеж! А какого рожна мы тут торчим?

Он вдруг разоткровенничался:

– Но самый большой кайф, кролики, это бить взрослых мужиков! Идешь, например, когда стемнеет, мимо стадиона, а навстречу тебе топает неизвестный тип. В темноте до последней минуты непонятно: здоровый он или хилый, молодой или уже в годах. И в этом тоже свой кайф. Но вот мы сходимся, он на меня – ноль внимания, думает о чем-то своем. И тут я слегка заступаю ему дорогу и с разворота бью в челюсть или в глаз – хрясь! Рожа у него делается, кролики, как у клоуна! А ты спокойно идешь себе дальше, поплеывая, и даже не оборачиваешься. И все это – без единого слова! Нет, я взял бы вас с собой на представление, но на эти подвиги кодлой ходить нельзя – вспугнешь клиента...

– А если сам получишь в глаз? – послышался голос Вовки, а следом он и сам вынырнул из темноты.

– Что-то еще не получал ни разу, хотя развлекаюсь таким способом через день!

– Ничего, еще получишь! – пообещал Вовка.

– Уж не от тебя ли, замухрышка?! – сощурился Алый.

– Может, и от меня...

Тут мы все подняли гвалт, и, готовая было вспыхнуть ссора, улеглась.

– Ты записку-то принес? – спросил я.

– Вот, держи! – он передал мне листок.

Я развернул его: да, тот самый.

Значит, надо идти...

Стоило мне оказаться за забором, стоило голосам товарищей смолкнуть, а невидимым, но тяжелым ветвям сомкнуться за моей спиной, закрыв даже далекие зареченские огонечки, как первобытные страхи резво выбрались из уголков моего подсознания.

Кстати, людей я не боялся: бандиты в ту пору в Белособорске не водились, сторожа в эту часть парка не заглядывали, крайне малочисленное племя бомжей кучковалось вокруг вокзала и автостанции, и даже влюбленные парочки не искали пристанища на территории «Дианы» – к их услугам было множество уютных уголков по обоим берегам Ракидона. Не могло здесь быть и «молотобойцев», вроде Алого.

Так или иначе, каждую тень, любое шевеление ветки над

головой я готов был принять за проявление нечистой силы.

Темень вокруг стояла непроглядная. Я знал, что на некотором удалении от меня по правую руку тянется центральная аллея, где светильники, хоть и притушенные, горят до самого рассвета. Но густой массив деревьев скрывал их от меня, я не мог различить ни лучика. Я втайне прихватил с собой фонарик, но не включал его, опасаясь выдать себя и быть обвиненным в трусости. Сердце стучало, в ушах шумело, перед глазамиплыли цветные круги.

Вдобавок, эта боковая аллея имела одну малоприятную особенность: на ней имелось узкое место, где с обеих сторон подступали березы, а внизу переплелись их выступавшие корневища. Чтобы не споткнуться, здесь надо было пройти очень аккуратно, буквально оглаживая корневища подошвами обуви.

Но самое тяжелое испытание ожидало меня перед мостом Оборотня, на который падал рассеянный свет от бледного светильника, горевшего над изваянием. Овраг утопал во мраке, и мост казался переброшенным над адской бездной. Вот сейчас оттуда полезут жертвы оборотня – иссохшие, озлобленные, с пустыми глазницами и расцарапанными шеями. Желание повернуть назад стало почти необоримым. Я уже не чувствовал стыда от мысли, что товарищи будут презирать меня. Но когда я подумал о Наташе – девочке из нашего класса, в которую был тайно влюблен, как, впрочем, и Алий, как и Дрючок, как еще полкласса, а также по-

ловина третьей школы, – мужество вернулось ко мне. Быть может, узнав о моем смелом поступке, Наташа наконец заметит меня и полюбит так же пылко, как люблю ее я?

Воодушевленный своими фантазиями, я впал в некий транс. Это состояние помогло мне вложить записку в щель между грубо отесанными камнями.

Когда я собирался в обратный путь, то заметил, что рядом с ближним устоем моста клубится плотный дым. Удивительно, но эти клубы виделись мне четче, чем освещенные перила моста. «Не смотри, – сказал я себе. – Не смотри, и все будет хорошо». Я еще раз вызвал в воображении образ Наташи, и мои страхи снова отступили. Не теряя времени, я поспешил назад, донельзя гордясь собой.

При моем появлении Алый хохотнул:

– Смотри-ка, наш писатель вернулся живым! Надеюсь, вложил записку? Или скажешь, что потерял?!

– Записка на месте.

– Ладно, молодец! Оборотня видел?

– Привет тебе передал. И посоветовал пореже размахивать кулаками.

– Значит, сам боится, – усмехнулся Алый. – В общем, так, кролики! Сказать по совести, особого желания таскаться по темному парку у меня нет, да и не было с самого начала. Но раз это сделал Дрючок, значит, сделаем и мы. Каждый! – и он с насмешкой взглянул на Багрика.

Затем отправился за запиской, насвистывая, и вернулся,

насвистывая. Похоже, этой гряде мышц были не знакомы никакие стрессы.

Принесенную записку он вложил в карман куртки Багрика:

– Давай, парень, смелее! Поостерегись между березами! Будто какая-то когтистая лапа провела там по моей штанине снизу! Смотри же, не обмочись!

И без того нервничавший Багрик так и взвился!

Вот он исчез в темноте.

А еще через пару минут из глубины парка донесся протяжный вопль.

Алый среагировал мгновенно:

– Кажись, наш артист попал в лапы оборотня! На выручку! – И он первым бросился в пролом.

Отважный порыв Алого увлек за собой всех нас. Друг в беде! На выручку!

Мы ощутили себя мушкетерами, верными принципу «один за всех, все за одного», бойцами, которым выпала честь доказать свою верность присяге. Пьянящее веселье охватило нас, мы неслись вперед, навстречу неизведанной опасности, с такой неустрашимостью, словно охота на оборотней была нашим любимым развлечением.

Сразу же за темным сводом кустов мы столкнулись с мчавшимся назад Багриком.

Он был вне себя от страха.

– Там... там... – пролепетал он прыгающими губами, по-

казывая в глубь аллеи: – Оборотень! Он схватил меня за ногу! Вот!

Здесь, недалеко от грады, нашлась полянка, на которую падало немного света от далекого фонаря.

При этом слабом освещении нам предстала жуткая картина.

Правая штанина Багрика была порвана внизу.

Когда он закатал ее, мы увидели три глубокие царапины, сочащиеся кровью...

Вовка разорвал свой носовой платок – «чистый!» – и перевязал раненого.

– Ты просто напоролся на сучок, – сказал он.

Багрик тихо стонал, а мы все молчали, понимая, что никакой сучок не может оставить такие три характерные параллельные полосы.

Это мог сделать только оборотень, да и то, как бы играя, пугая...

Судя по расстоянию между царапинами, лапа у оборотня была огромной, величиной со сковороду.

* * *

В школе какое-то время Багрик ходил героем, вырвавшимся из лап оборотня и получившим от того отметины на память.

Случалось, к нему подходили делегации от младших классов с просьбой показать «след оборотня», и тогда Багрик,

немного поломавшись для виду, гордо отходил куда-нибудь в угол и закатывал штанину...

Это загадочное происшествие разъяснилось в полной мере лишь через пару месяцев.

(«След оборотня» на ноге у Багрика к тому времени прошел окончательно.)

Оказалось, что Алый, находясь в нашей «хмельной компании», но уже тяготясь общением со «слабаками», той же осенью сблизился с кругом Эдьки Шашкова из третьей школы – не улыбочивого блондина с холодными рыбьими глазами, щеголя и мота, который всегда был при деньгах.

Шашков уже тогда терпеть не мог Дрючка, к которому Наташа, как это ни покажется удивительным, относилась с явной симпатией.

И вот, вызнав от Алого о готовящейся вечерней вылазке в парк, Шашков предложил тому «облажать замухрышку».

Всего-то и требовалось, чтобы Алый пошел через пролом первым и прикрепил между березами кусок колючей проволоки, заранее спрятанный в траве.

Эта проволока, по мысли Шашкова, сыграла бы роль оборотня и выставила бы Дрючкова в смешном свете, слухи о чем непременно дошли бы до Наташи.

Но Дрючок не уступил своей очереди, и Алому пришлось срывать зло на том, кто шел следующим за ним.

На беду Багрика, этот жребий выпал ему.

Позднее Алый рассказывал эту историю, как забавный

анекдот.

Правда, о роли Шашкова он умалчивал, а тот никогда и не вносил поправок, ведь главный приз – Наташа, в конце концов, достался ему, Эдичке.

* * *

Погрузившись в воспоминания, я и не заметил, как дошагал до торгового центра, откуда брала начало самая протяженная городская магистраль – Парковый проспект. В запасе у меня оставалась еще четверть часа, но я решил не изображать из себя пунктуалиста. Газет я даже не разворачивал. Просто свернул их трубочкой и держал в руке. Не хотелось ни на что отвлекаться перед встречей с Дрючком.

Поймать машину не составляло труда, и уже через семь-восемь минут я оказался на другой оконечности Паркового проспекта – у центральных ворот дворцово-паркового комплекса «Диана».

В мои школьные годы эта местность считалась даже не околицей, а загородной зоной. Позднее здесь вырос крупный жилой район. По периметру площади и дальше, вдоль проспекта, выстроились изрядно постаревшие девятиэтажки с четкой доминантой – четырнадцатэтажной гостиницей «Ракидон», самым высоким зданием города, предметом гордости местных патриотов. Ходили слухи, что при устройстве фундамента гостиницы было скрыто какое-то древнее, еще языческое кладбище.

По правую руку от центрального входа в парк, вдоль Старощанского шоссе, тоже поднялся новый, более поздний жилой массив. Сама площадь являлась крупным транспортным узлом – через нее проходили многие пригородные маршруты автобусов. Здесь же было устроено троллейбусное кольцо, оборудована стоянка для интуристовских машин. Вокруг множество магазинов, ларьков, киосков, чуть в глубине шумит базарчик. Повсюду суета, движение, голоса.

И лишь по какой-то странной прихоти обстоятельств ничто не изменилось на пустыре, примыкающем к ограде парка по левую сторону от центрального входа. Те же заросли кустов, бурьян, полное безлюдье.

Там, за крутым изгибом бетонных плит, мы встречаемся с Вовкой.

Я закурил и двинулся вперед.

– ВСТРЕЧА СТАРИННЫХ ДРУЗЕЙ

Хорошо протоптанная тропинка вилась на некотором расстоянии от забора. Видимо, потайным лазом охотно пользовались и поныне.

Пройдя немного вперед, я оглянулся. Кусты за моей спиной, казавшиеся со стороны площади редкими, теперь образовали сплошную полосу, препятствующую малейшему обзору. Иллюзия абсолютной уединенности была полной.

– Здорово, столичный пижон! – раздался рядом хрипло-

ватый голос.

Вовка! Я так и не понял, откуда он появился.

– Здорово, мент поганый! – в тон ответил я.

Мы стиснули друг друга в объятиях.

За то время, что мы не виделись, а не виделись мы лет шесть-семь, он почти не изменился: все тот же мускулистый дылда с белобрысой челкой и целой галактикой веснушек с эпицентром вокруг сломанного носа.

На нем была светлая безрукавка и темные брюки с плетеным ремнем.

В этом «прикиде» он походил на рядового штатского служащего, озабоченного текущими делами даже на досуге.

Во всем его облике я по-прежнему не находил ни грана начальственной вальяжности.

Мы медленно побрели по тропинке в сторону потайного хода.

– Послушай, Дрючок, – начал я. – Разве мы с тобой ограбили банк? Или готовим покушение на вашего мэра?

Он неопределенно хмыкнул в ответ.

– Зачем же эта конспирация? – продолжал допытываться я. – Почему мы не можем посидеть в каком-нибудь уютном салуне за стаканом виски со льдом, как нормальные белые люди?

– Идея сама по себе хорошая, кивнул Вовка. – Да только сейчас в нашем славном Белособорске развелось слишком много нехороших дядей, которые спят и видят, как бы под-

ловить меня на компромате, пусть даже пустяковом. Тебе же не надо напоминать, что даже великие люди нередко горели на пустяках? Ты ведь приехал ради Алексея?

– И по этой причине тоже. Причем, рассчитываю на твою помощь. Но у вас тут драчка в верхах, что ли?

Мы подошли к зарослям высоченных кустов, внутри которых обломанные ветки создавали этакий тенистый коридор, ведущий к пролому в заборе. Утоптанность тропинки доказывала, что этим ходом активно пользуются и поныне.

На какой-то миг мы оба, не сговариваясь, синхронно перенесли мысли в золотую школьную пору.

– Было дело под Полтавой, – резюмировал Вовка, кивая на пролом. – Эх, сейчас бы мне те заботы...

Кошачьей походкой он прокрался к забору, просунул голову в дыру, огляделся и только после этого повернулся ко мне:

– Провырнемся по парку, коли уж мы здесь оказались?

– Почему бы и нет?

И вот мы вышагиваем вдвоем по пустынной аллее, такой же сыроватой и мрачной, как и много лет назад, когда поодиночке кралась за запиской, стуча зубами от страха.

– Драчка – не то слово, – вздохнул Дрючков, только сейчас отвечая на мой вопрос. – Эх, Славка! Ошибочку я допустил, согласившись на перевод сюда. Малая родина и все такое прочее... Никогда себе не прощу! Не ко двору пришелся! В первое время вроде бы ладили, но после, когда я при-

жал не тех людишек... А теперь отцы города жаждут моей крови. Им нужен только повод. У них везде информаторы, за мной откровенно шпионят, я не могу доверять даже своим заместителям... Если меня подловят на чем-нибудь мало-мальски серьезном, то не просто выгонят, а еще объявят продажным ментом, мздоимцем и хапугой! А я этого не хочу, Славка! Не заслужил! Так что приходится быть осторожным.

– Сочувствую! – я невольно подивился произошедшей с ним перемене. – Ладно, коли под тобой трясется земля, то зачем ты позвонил?

– Как же иначе, пареньь?! – Он посмотрел на меня с выражением какой-то обреченности. – Мы ведь друзья! Разве тебе не нужен профессиональный совет?

– Еще как нужен!

– То-то же! Давай-ка, я для начала коротко обрисую тебе ситуацию. В музее произошло жестокое убийство. Нет никаких следов преступников. Они даже сигнализацию сумели обойти так, что она не зафиксировала самого факта их появления. А это высочайший уровень криминала! То есть, я хочу тебе втолковать, что тут действовали профессионалы. Они могли бы обтяпать свое дельце так ловко, что комар носу не подточил бы! Однако эти профессионалы для чего-то косвенно «засветились» единственному свидетелю, причем сами же устроили ему своего рода вызов по внутреннему телефону. А затем исчезли, словно под землю прова-

лились, оставив при этом твоего Алешку крайним!

– Какой смысл кому бы то ни было копать под Алешку? – спросил я. – Как тут ни крути, с него нечего взять!

– Твой братец, думаю, оказался в этом спектакле случайным актером, – ответил Дрючок. – Фактически, крайними должны остаться мы, милиционеры во главе со своим начальником, ибо не имеем ни одной настоящей зацепки. Похоже, эта музейная история еще будет иметь продолжение. Но это, как говорится, наши милицейские заботы. А тебе надо вытаскивать Алешку из этой ямы, которая, поверь мне, может оказаться гораздо глубже, чем тебе представляется в эту минуту.

– Постой, но ты только что сказал, что Алексей – случайный актер в этом спектакле?

– Ты, парень, похоже, плохо меня слушал, – с укоризной вздохнул Дрючков. – Может выйти так, что через неделю-другую мое мнение уже не будет никого интересовать. Сядет в мое кресло другой человек и в пылу служебного рвения потребует оперативно раскрыть убийство в музее. И тогда твой Алешка в один миг превратится из свидетеля в обвиняемого. Поверь моему опыту, подобные вещи практикуются довольно часто. Во всяком случае, чаще, чем об этом сообщает телевидение.

Холодок пробежал по моей спине, в мыслях возник бешеный хаос.

– Так что мне делать практически, говори!

– Прежде всего, заставь своего балбеса взять назад показания относительно оборотня. А то как-то несолидно получается. Взрослые люди – и какой-то оборотень. Следовательно обижается. Считает, что свидетель держит его за дурачка.

– Но Алексей действительно видел этого чертового оборотня и твердо стоит на своем!

– Значит, надо найти какое-то простое, всем понятное объяснение этим его видениям. В вестибюле дворца, где как раз скончалась дежурная, над продолжением коридора висит большая картина, изображающая оборотня в момент перевоплощения. Да ты, наверно, и сам хорошо помнишь ее. Он, то есть Алешка, должен давить на то, что в дыму, в чаду, да еще после многочасового чтения древних рукописей с иллюстрациями принял изображение за живое существо. Ну, дал маху. С кем не бывает? Особенно в стрессовой ситуации.

– Я попробую, Вовка, но, честно говоря, не ручаюсь, что смогу переубедить брата.

– Ладно, есть другая версия. В системе нашего химкомбината имелся некогда небольшой засекреченный цех по производству особых препаратов для нужд компетентных органов, назовем его так. В частности, там вырабатывались самые современные галлюциногены, способные манипулировать человеческой психикой.

– Когда это было!

– Верно, цех давно закрыт, но ведь остались специалисты, существуют технологии...

– Вовка, эти препараты доступны далеко не каждому. И, уж конечно, вряд ли их стали бы использовать при рядовой музейной краже, которая к тому же не удалась.

– Удалась она или нет, мы еще не знаем, – задумался Дрючков. – А галлюциногены я назвал лишь для примера. Чтобы нагляднее объяснить, что Алешкины видения могли иметь под собой реальную почву.

– Это я понял.

– Второй момент – закрытая дверь служебного хода. По простоте душевной Алешка сказал, что эта дверь была закрыта на все засовы, и теперь следователь ловит его на том, будто твой братан сам открыл ее преступникам. Ему надо было говорить, что дверь была открыта, тогда подозрения падали бы на покойную вахтершу. Она, мол, открыла дверь злоумышленникам, забыв, что Алексей, еще сидит в библиотеке.

Я едва верил собственным ушам. Чтобы Дрючок советовал такое?! Да что это с ним?!

– погоди, погоди, Вовка! – перебил я его. – Ты же знаешь моего Алешу. Да ни за какие коврижки, ни при каких обстоятельствах он не станет выкарабкиваться за счет другого человека, тем более погибшего практически на его глазах! Бессмысленно даже обсуждать это!

– Тогда нужно стоять на том, – как ни в чем не бывало продолжил он, – что кто-то из преступников вошел, очевидно, перед закрытием в музей и спрятался где-то в здании.

У нас все же не Лувр, не Эрмитаж, и перед закрытием все углы не осматривают. А позднее этот неизвестный открыл дверь, впустил сообщников и вновь закрыл за ними дверь. Потому-то Алексей и нашел ее закрытой. Все это время злодеи прятались в музее. Когда же Алексей запаниковал, открыл все замки и выскочил наружу, они спокойно вышли следом. Эта версия, конечно, шита белыми нитками, но хороший адвокат, если только дело дойдет до адвоката, сумеет убедительно обосновать ее. Что касается других улик, которые может привлечь обвинение, ну, пятен крови на руках, отпечатков пальцев на столе дежурной, то их появление понятно. Алексей пытался помочь жертве, и невольно наследил, а также запачкался сам. – Тут Дрючков пристально посмотрел мне в глаза: – Вот так, парень, обстоят дела с линией защиты твоего Алексея, да и то при наихудшем раскладе. Но до наихудшего расклада может еще и не дойти, если ты, Славка, поможешь кое в чем мне.

У меня появилось странное ощущение, что он темнит.

Тем не менее, я ответил ему безо всякой задней мысли:

– Говори, Дрючок, что надо сделать.

– Прямо сейчас и скажу, только ты уже не удивляйся. Сейчас, Славка, надо представить дело так, будто мы с тобой в смертельной ссоре.

– На кой черт это нужно?! – он и вправду меня удивил.

– Попробую объяснить, а ты попробуй понять. Я ведь не случайно обошелся холодно с Людмилой Николаевной,

когда она пришла в управление просит за Алешку. Знал, что она расскажет об этом всем своим подругам. Вот тебе и повод для обиды. Притом, я не позвонил тебе в Питер, хоть мы и друзья. Вот второй повод. Ты решил поквитаться за это со мной, благо, у тебя появилась такая возможность. Предположим, у тебя есть серьезный компромат против меня, и вот сейчас ты решил пустить его в ход.

– Какой именно компромат, Вовка?

– Да какой угодно! Придумай что-нибудь сам, прояви фантазию! Главное, чтобы это было убедительно и серьезно. Чтобы поверили те, кто желает мне зла. Ну, а ты должен твердить, что готов обменять этот компромат на гарантии для Алексея.

– В чем тут смысл, объясни, я не понимаю?! – вскричал я.

Он остановился и приблизился ко мне ближе:

– Мои враги должны поверить, что в природе появился сильный козырь против меня. Они расслабятся, пусть даже чуть-чуть, и вот тут-то у меня появится шанс сделать свой ход. Другого варианта нет, Славка, если ты меня правильно понял.

Какое-то время я осмысливал услышанное.

– Допустим, я сочиню такой компромат. Но куда мне с ним идти? На базарную площадь?

– Зачем же на базар, – сощурился Вовка, – я дам тебе адреса. – Во-первых, навести в больнице директора музея Перехватина Тихона Анатольевича. У него, вроде бы, острый

сердечный приступ, но нельзя исключить, что он попросту прячется в больнице. Сходи к нему вместе с Алексеем, расспроси о здоровье, а затем, как бы между прочим, проговори о компромате. – Он указал на газетную трубочку, которую я по-прежнему держал в руке: – Недавно у нас начала выходить интересная газета под названием «Зеленый берег», загляни в редакцию, потолкайся там немного и тоже невзначай обмолвись о компромате. Наконец, навести наших старых приятелей Алеева и Шашкова. С ними говори без намеков, напрямую, можешь даже поторговаться. Этого пока вполне достаточно. А затем будем ждать, какие еще птицы слетятся на нашу приманку. – Он крепко сжал мой локоть: – Но, смотри, Славка, о подоплеке нашего договора никому ни слова! Не открывайся даже матушке. Пусть все будет на чистом сливочном масле.

Я чувствовал, что Дрючок чего-то недоговаривает, но тянуть сейчас из него жилы не имело смысла, притом что идея выглядела довольно здраво.

– Что ж, давай посмотрим, действительно ли кашу маслом не испортишь... – вздохнул я.

– Это хороший совет, Слава. Тем более, что я ведь не ухожу в сторону и не перекладываю свой груз на твои плечи. Я буду держать тебя в курсе всех новостей. Надо лишь условиться о безопасном месте для встреч. Телефон, конечно, исключается.

– Есть идеальное местечко. Дачный домик моих стариков

помнишь?

– В «Утиной заводи»? Еще бы!

– Я собираюсь ночевать там.

– Почему, черт побери?!

– Видишь ли, я приехал не один, – неохотно признался я.

– Ах, вот оно что! Ну, это некстати, старина! Совсем некстати! В этом деле расслабляться нельзя. Отправь ее обратно!

– Клара будет для меня идеальным прикрытием...

– Ну, куда ни шло... – все же согласился он. – Надеюсь, ты не станешь выбалтывать ей лишнее? И уж не обессудь, если я заявлюсь в неподходящий момент.

– Не переживай, мы взрослые люди.

– Тогда все, Славка! Разбегаемся?

– погоди, последний вопрос... Этот Цинюк, следовательно, он чей человек?

– Это темная лошадка, парень! Тебе с ним лучше не контактировать. Совсем. А вот разговор с директором музея очень даже советую надолго не откладывать.

– Постой-ка! – вспомнил я. – А что там с дядей Гришей, мужем убитой вахтерши? Его тоже убили?

– Кто тебе сказал? – сощурился Вовка.

– Птичка на хвосте принесла.

– Мужик умер от пьянки, – не моргнув глазом, ответил Дрючок. – Много лет не пил, а тут по случаю похорон жены принял без меры, вот сердце и не выдержало.

– Значит, обошлось без крови?

– Не совсем. Перед смертью у него носом хлынула кровь.

– Но это не убийство?

– Конечно, нет!

Я перехватил его взгляд, и тут моя интуиция подсказала мне, что Вовка ведет со мной какую-то игру, что он знает гораздо больше, чем говорит, и что говорит он мне не только правду.

Впервые за годы нашей дружбы во мне глухо шевельнулось чувство враждебности к Вовке.

– А теперь все! – повторил он. – Мне пора! А ты погуляй немного по парку и вообще, лучше выйди через центральные ворота.

Он протянул мне руку, и я пожал ее с каким-то странным чувством..

Дрючков быстро зашагал к пролому в заборе и через пару минут исчез под зеленым шатром.

– ИЗ ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ ЛЕТ ВЛАДИМИРА ДРЮЧКОВА

Мутноватый осадок оставила во мне наша встреча. Обидно было узнать, что Владимир Дрючков, старший офицер, человек долга и чести, находится в положении затравленного зверя, что его авторитет среди подчиненных не признан, что он заискивает перед врагами... Что-то решительно из-

менилось в Дрючкове за то время, пока мы не виделись. Чего стоит одно его предложение переложить вину на покойную вахтершу! Услышать такое от Вовки?! Ну и ну!

В глубине души я всегда гордился дружбой с Дрючком. Для меня он был образцом мужского характера, спокойной, несокрушимой воли, символом надежности и основательности.

Но теперь все указывало на то, что жизнь способна перемолоть даже такую цельную натуру. Нет, я, конечно, понимал, что он вовсе не из кремня и стали... И все-таки на душе сделалось как-то грустно.

Владимир Дрючков. Дрючок.

...В младших классах его облик напоминал известный персонаж анекдотов про дистрофиков. Белобрысый, веснушчатый, тонконогий, ушастый, он был настолько хил, что сладить с ним могла любая крепкая девчонка.

Но уже тогда в нем бурно проявлялся ершистый характер. Он то и дело настырно лез в самую бучу! Колотили его несчетное число раз, передразнивали его манеры и походку, подкладывали ему в парту всякую гадость. Но этот щедушный ванька-встанька поднимался после каждого удара. Никто никогда не видел его слез. Он не держал зла на своих обидчиков, и тем постепенно начинало это нравиться. Незаметно чаша весов качнулась, и насмешливое отношение к Дрючку сменилось всеобщей симпатией, хотя и с изрядной долей иронии.

И тут выяснилось еще кое-что интересное. Оказывается, этот доходяга, этот слабачок, этот пожизненно левофланговый поставил своей целью вырасти мускулистым дылдой! И свою цель он не откладывал на завтра – он давно уже шел к ней!

Сверясь с часами, он глотал какие-то витамины, безостановочно жевал пучки укропа и петрушки, стебли лука и капустные листья, пил вызывавшие у других отвращение морковный и свекольный соки.

Чуть только белособорское солнышко начинало пригревать поласковой, как Дрючок все свое свободное время отдавал плаванию и гребле. У его родителей был просторный дом на берегу Ракидона, неподалеку от Белой горы, и одну из комнат Вовка переоборудовал под спортивный зал. Махал гантелями, подтягивался на турнике, лазил по канату, а главное – боксировал до седьмого пота. Боксер в весе петуха, нет, воробья, даже комара! А еще он обливался холодной водой, растирался снегом и спал на жесткой постели. Спартанец, да и только! Вернее, пародия на спартанца.

Как-то раз мы всей компашкой завалились к нему в гости, и вышло так, что Дрючок принялся боксировать с Алым. Наш геркулес из вежливости первое время просто закрывался от ударов, но затем, раздраженный комариными наскоками Дрючка, сделал выпад, и бедный Вовка полетел в дальний угол со скоростью пушечного ядра. Это было убедительное подтверждение того очевидного факта, что природу не обма-

нешь. Алый сроду не глотал витаминов и не пил свекольный сок, но мог бы без труда одолеть нас четверых. Одной левой.

Впрочем, есть особая сфера, где размеры бицепсов не играют существенной роли.

Дрючок упорно закалял не только тело, но и силу духа.

В ту пору у нас о Карнеги и понятия не имели, не то сказали бы, что Вовка начитался американского автора. Правда, Карнеги рекомендовал своим ученикам, желавшим подавить застенчивость, петь на вокзале, а Вовка Дрючков мог запеть на улице, а то и во время урока, но в этом, пожалуй, и заключалась вся разница.

Вовка отчаянно спорил, нередко просто из принципа, как бы приобщаясь к азам полемики, отстаивал особую точку зрения, заведомо зная, что она спорная, и громко высказывал парадоксальные суждения, не боясь остаться в единственном числе.

Или же объявлял утром, что до вечера, до восемнадцати ноль-ноль, никто не услышит от него ни звука. Его тут же начинали провоцировать, щипать исподтишка, строить ему рожи – но он лишь тверже сжимал губы, грозя шутникам кулаком, покрытым царапинами и ссадинами. Он не раскрывал рта, даже если его вызывали к доске. Разумеется, не обходилось без скандалов. Сколько раз его выставляли из класса, сколько несправедливых двоек вlepили – он лишь улыбался в ответ! Двойки он вскоре исправлял. По своим способностям он был одним из лучших в классе.

Или же он мог заявить, что в течение суток не выпьет ни глотка воды. Немедленно начинались шуточки-прибауточки; некоторые искали, чем бы соленьким его угостить, другие кричали, что где-то во дворе у него спрятана бутылка с водой... Но вот что характерно – все почему-то верили, что он действительно устроил себе испытание жаждой и непременно выйдет из него победителем.

Тут бы самое время порассуждать о силе воли, которая придает мужественный облик даже замухрышке. Но история Вовки Дрючкова куда более нравоучительна.

На стыке восьмого и девятого классов его многолетние усилия, казавшиеся малоэффективными, вдруг начали приносить плоды, да какие! За одно лето он вытянулся вверх на целую голову и раздался в плечах. Теперь на уроках физкультуры он стоял в середине строя. Стометровку он пробегал первым, в подтягивании на турнике и отжимании от пола уступал только Алому, а в плавании вообще не имел себе равных. Процесс, что называется, пошел.

И когда на выпускном вечере Вовка по-настоящему подрался с Алым, то последнему пришлось поднапрячь все свои силы, чтобы свести бой со вчерашним доходягой хотя бы вничью.

Он собирался ехать в Ленинград, поступать в электротехнический институт связи.

Но буквально накануне отъезда с ним приключилась нелепая история.

Ясным днем, в тысячный раз спускаясь от родительского дома к реке по тропинке, что петляла среди гранитных валунов, он споткнулся и, ударившись головой о камень, получил сильнейшее сотрясение мозга.

К сожалению, подробностей я не знаю.

Меня к тому времени уже не было в Белособорске, а позднее Вовка всегда уходил от этой темы, односложно отвечая, что пострадал по собственной глупости.

Выписали его из больницы только осенью.

Он мог бы легко добиться отсрочки от призыва в армию и перекантоваться до следующего лета, но, опять же, по слухам, вскоре после выписки добровольно явился в военкомат. Служил в десантных войсках. Демобилизовался в звании старшего сержанта, что удается лишь парням с военной косточкой, и сразу же поступил в В-скую высшую школу милиции.

Несмотря на то, что судьба разбросала нас по разным городам и весям, виделись мы с Вовкой довольно часто, особенно в годы молодости, приезжая в Белособорск сначала на каникулы, а затем и в отпуск.

С течением времени встречи становились все более редкими. Писем друг другу мы не писали ввиду обоюдного отращения к эпистолярному жанру, а электронной почты в те времена еще не существовало. По крайней мере, в наших палестинах.

Последняя наша очная встреча состоялась более шести

лет назад, когда наши пути ненадолго снова пересеклись в Белособорске. Оба мы приехали на несколько дней, чтобы навестить своих близких. Я из Питера, он – из далекого зауральского города Т.

После той встречи у меня осталось впечатление, что Вовка крепко стоит на ногах, и что он выбрал себе дело по склонности характера. Он, человек, сделавший сам себя. Воспитавший свою волю, развивший в своем теле физическую мощь. О деталях своей службы он никогда не говорил. Зато не без гордости показывал фотографии своей семьи – симпатичной шатенки с волнистыми волосами и двух хорошеньких девчушек. Оказалось, ко всему прочему, он еще и заботливый муж и отец. Ни его супруги, ни его дочерей вживую я не видел ни разу, так уж получилось.

Два года назад его перевели по службе в Белособорск, так сказать, в город детства.

За этот период мы ни разу не общались с ним ни по телефону, ни по электронной почте, хотя эти средства связи были под рукой у каждого из нас.

Казалось бы, чего уж проще!

Но если говорить о себе лично, то я просто рассчитывал, что вот-вот вырвусь в Белособорск. Не получилось...

Впрочем, кое-какие вести о Вовке доходили до меня в письмах матушки.

И вот мы встретились...

Нет, совсем не такой представлял я себе нашу встречу.

Было досадно, что он даже не извинился за то, что нанес обиду моей маме, чем бы он ни мотивировал свой поступок.

Вдобавок, он зачем-то соврал мне относительно убийства несчастного реставратора, а ведь мог бы догадаться, что я все равно узнаю правду, хотя бы через своего Алешку.

Спасибо, конечно, Дрючку за его советы, но пока еще неясно, будет ли от них какой прок.

Значит, он хочет, чтобы я сочинил компромат на него?

Внезапно я ощутил, как где-то глубоко-глубоко во мне проклюнулось враждебное чувство к этому человеку.

Ладно, будет ему компромат!

Пусть после не обижается, уж я его теперь жалеть не стану!

9. ГОЛОС МЕСТНОЙ ПРЕССЫ

Только сейчас я вспомнил о газетах, которые держал в руке уже столько времени, и развернул бумажную трубочку.

Сверху лежала газета «Белая Гора», которая в прежнюю пору носила довольно-таки парадоксальное название «Красный Белособорск», и всегда оставалась рупором местной администрации.

В былые времена эта газета была единственным в городе изданием, и практически все старожилы аккуратно подписывались на нее, гордясь самим фактом ее существования.

Мои старики листали ее еще до моего рождения, а матушка и поныне продолжала выписывать ее по старой привычке.

С моей же точки зрения, газета и в наши дни оставалась такой же, как и прежде, – официозной и засушенной.

Заметку «Происшествие в музее» я увидел сразу же – она была опубликована на первой странице.

Пробежав ее глазами, я не узнал ничего нового для себя.

В самых общих выражениях в ней сообщалось, что поздним вечером в музей проникли неизвестные, в результате чего трагически погибла пожилая дежурная. Никаких подробностей ее гибели не раскрывалось, и неосведомленный читатель мог бы даже предположить банальный сердечный приступ.

Через три абзаца автор заметки и вовсе пускался в рассуж-

дения о недостаточности финансирования дворцово-паркового комплекса. Подчеркивалось, что, как убыточный объект федеральной собственности, он выживает, в основном, за счет дотаций из центра, которые, увы, нередко урезаются сверх меры.

Именно поэтому администрации парка приходится экономить буквально на всем, в том числе, на охране и сигнализации. И вот закономерный итог! Музей закрывается для инвентаризации и переналадки сигнализации до конца сезона.

Между тем, ситуация значительно улучшилась бы, находишь парк на балансе города. Это могло бы побудить спонсоров из числа местных бизнесменов вкладывать деньги в его развитие в расчете на будущую прибыль.

Далее путано излагались выгоды от возможной перемены формы собственности.

Затем, словно бы спохватившись, автор безо всякого перехода обрушивался на стиль работы начальника городской милиции (не называя фамилии), подчиненные которого не смогли раскрыть преступление по горячим следам.

Алексей в заметке даже не упоминался, и это безотчетно меня порадовало.

А вообще, понять что-либо из этого текста, не зная его «подковерной» части, было весьма затруднительно. Очевидно, статья являлась своеобразной разминкой перед будущей избирательной кампанией. Не исключено, что материал был написан под тезисы кого-то из отцов города. Притом, напи-

сан далеко не лучшим образом.

Я заглянул в выходные данные: тираж издания составлял 3 тыс. экземпляров.

Надо полагать, читали его, в основном, чиновники и ветераны.

Затем я перешел ко второй газете, в названии которой тоже присутствовал цвет – «Зеленый берег» (очевидно, имелся в виду берег Ракидона, о чем свидетельствовал коллаж над шапкой).

Вообще-то, еще в последний свой приезд я заметил, что в городе не прекращаются закулисные, но весьма энергичные попытки завоевать местный газетный рынок. Выходило множество разного рода изданий, которые пытались утвердиться за счет публикаций программ телевидения, подборок сальных анекдотов и лже-сенсаций, перепечатанных из столичной желтой прессы.

На мой взгляд – взгляд профессионального газетчика, ни один из этих листков-однодневок не имел шансов на стабильный успех.

Газету «Зеленый берег» я держал перед собой впервые. Да и Вовка ведь сообщил, что она начала выходить пару лет назад.

Уже по ее фактуре, по цветной, но не крикливой обложке, по приятной пухлости общей массы страниц чувствовалось, что кто-то вкладывает в это издание серьезные средства.

Первым мне в глаза бросилось объявление, помещенное

в фигурной рамке в правом верхнем углу:

«Приглашаем наших читателей к взаимовыгодному сотрудничеству!

За каждую интересную информацию или тему, сообщенную в редакцию лично либо по телефону, ее автору немедленно выплачивается вознаграждение в сумме не менее 1 тыс. рублей!»

Тоже на первой странице, под шапкой, на самом видном месте публиковалась статья, заголовок которой был набран крупным шрифтом:

«МУЗЕЙ: УБИЙСТВО ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ».

Ниже, более мелким, но тоже выделяющимся на полосе шрифтом был набран подзаголовок:

«Оборотень, для которого не существует ни стен, ни запоров, ни других преград, появился вновь!»

Статью я прочитал с живейшим интересом, опасаясь в глубине души, натолкнуться в ней на подробности, которые могли бы осложнить мою главную задачу.

К счастью, про Алешку тут тоже не было ни слова, кроме, разве что глухих намеков, понятных лишь посвященному.

Зато в статье приводились важнейшие подробности другого рода, так что я даже пожалел, что не прочитал ее до встречи с Дрючковым.

Сообщалось, например, что сначала вахтерша была оглушена ударом некоего массивного тяжелого предмета в затылок, так что кожа ее головы оказалась рассеченной, а череп

треснувшим.

Затем она подверглась царапающему – сверху вниз – удару в шею, удару, который, по мнению экспертов, могла нанести лишь мощная звериная лапа с ее длинными и острыми когтями.

«А если это действительно был оборотень?!» – вопрошал автор заметки.

Верит милиция или не верит в аномальные явления, это ее личное дело, продолжал автор. Но уж коли преступление совершено посредством «звериного удара», то, быть может, стоило бы поискать вокруг следы этого самого зверя?

Но наши доблестные сыщики, действуя по шаблону, принялись усердно выискивать человеческие следы и в результате сами же затоптали, уничтожили те улики, которые могли бы дать ниточку к раскрытию преступления.

«Ясно, в чей огород камешки, – отметил я тут про себя. – Значит, „Зеленый берег“ тоже против Дрючкова»...

Подпись под статьей, переходившей на вторую страницу, – «Бул. Щиоров» вызвала у меня смутные ассоциации. Где-то в своей жизни я уже встречал эту подпись...

Я уже собирался заглянуть в выходные данные, чтобы выяснить, кто же редактирует сие любопытное издание, когда на этом же развороте, но на третьей странице, увидел большое интервью с... моим Алешкой!

В правой колонке помещалась и его фотография на фоне музея и реки.

У меня даже волосы зашевелились на затылке: – вот это сюрприз!

Теперь понятно, почему Клара с такой многозначительной настойчивостью рекомендовала мне не откладывать чтения надолго!

Что ж, лучше поздно...

Забыв обо всем на свете, я буквально «проглотил» текст интервью, и тот так прочно улегся в моей памяти, что я мог бы процитировать его наизусть с любого места.

Интервью называлось без затей: «К вопросу о белособорском оборотне». Взял его не кто иной, как все тот же загадочный «Бул. Щиров».

Вот этот материал в его полном виде.

– Алексей Иванович, нашим читателям вы известны как крупный специалист в области древнеславянской истории и мифологии.

Сейчас, когда город вновь наполнен слухами о появлении ужасного оборотня, многие интересуются истоками этого старинного предания.

Не могли бы вы вкратце осветить этот вопрос?

– Для этого нам придется совершить мысленное путешествие в шестой век.

По мнению ряда историков, к чьим сторонникам я отношу и себя, в ту далекую пору наши предки делили окружающий микрокосм на верхний мир, собственно Землю и ниж-

ний мир.

Вы настаиваете на лаконичном ответе, поэтому я буду говорить только о нижнем мире.

Подземно-подводным владыкой, всемогущим хозяином этого нижнего мира был гигантский ящер, или змей, или дракон, или «коркодил», воплощенный в божестве, нарицаемом Речным Зверем.

По вечерам Речной Зверь глотал заходившее солнце, а по утрам вновь выпускал его на небосвод.

Таким образом, Речной Зверь как бы повелевал еще и движением светила, то есть, был наиболее могучим божеством.

Неудивительно, что именно к Речному Зверю наши далекие предки обращали самые сокровенные свои моления.

Им не нужно было напрягать воображения, чтобы представить себе внешний облик этого божества – достаточно было взглянуть на каменный остров посреди Ракидона.

О языческом культе Речного Зверя напоминают многочисленные, я бы даже употребил определение «бесчисленные», археологические находки.

Прежде всего, это фибулы – застежки для плаща, одежды, которую в ту пору носили и князья, и торговцы, и простые хлебопашцы.

Тысячи фибул найдены археологами на берегах Ракидона. Многие из них выполнены из кости и имеют резные изображения.

На них мы видим Речного Зверя, чья голова будто скопирована с силуэта каменного острова.

Кроме фибул, найдено множество так называемых височных колец от кокошников, колец, выполненных в виде свернувшихся ящеров; ковшей с ручками-ящерами; гребней с тем же сюжетом и даже ритуальных жезлов с набалдашниками в виде головы все того же Речного Зверя.

Кстати, на многих изображениях весьма тщательно прописаны элементы ощерившейся пасти и четко, один к одному, выделены зубы. На шее божества, как правило, проставлена идиограмма воды в виде волнистой линии либо комбинации падающих капель.

Не буду перечислять прочие находки той же эпохи, это заняло бы слишком много места, просто отмечу, что языческий культ Речного Зверя имел самое широкое хождение среди наших предков – от Южной Руси до северных морей, включая финно-угорские племена.

С Речным Зверем связывалось также все таинственное, неизведанное, а также скрытое за пеленой будущего.

Как видите, предание об оборотне-крокодиле имело очень мощную базу для своего возникновения и развития.

– Но что в действительности стоит за этим преданием? Имеем ли мы дело с образцами устного народного творчества либо же тут обозначено явление, на вызов которого науке только предстоит дать ответ?

– Те исторические документы, что уцелели в наших архи-

вах после всех великих и малых потрясений дают основание с уверенностью говорить, что этот вопрос должен быть обращен, скорее, к правоохранительным органам, чем к науке.

Я приведу несколько примеров, но для этого нам придется перенестись уже из шестого века в век, ну, хотя бы, семнадцатый.

Хорошо известно, сколь бурной была история нашего края.

Городом правили различные русские князья, которые регулярно отвоевывали его друг у друга, им на смену пришли литовские князья, хотя и с русскими корнями, тех сменили польские магнаты...

Иными словами, перманентно происходил некий передел собственности, то и дело возникала возможность урвать кусок пожирнее, и уж тут все средства были хороши.

Неудивительно, что оказалось востребованным и предание об оборотне.

– Вы обещали привести конкретные примеры.

– Да сколько угодно!

Гоголевский Чичиков, как известно, скупал мертвые души, чтобы разжиться под них плодородной землей.

Наших земельных магнатов эта проблема не волновала.

Пахотной земли у них было вдоволь, а вот крестьян для ее обработки не хватало.

И тогда магнаты придумали ловкий ход.

Через наши края пролегал один из маршрутов, по которому беглые крестьяне из северных и центральных губерний пробирались на Дон.

Магнаты распустили слух, что те из беглых, кто пожелает остаться в здешних местах, получают надел, средства на обзаведение хозяйством, а также освобождение от оброков.

Но через год-другой, когда беглецы, что называется, уже пустили корни на новом месте, магнаты начали притеснять этих несчастных, требуя от них и уплаты всех оброков, и возврата выданных кредитов, да еще с процентами.

Всплеск недовольства вот-вот грозил перерасти в мятежи и бунты.

Всю эту крестьянскую массу надо было держать в повиновении, даже в страхе, а обычные карательные методы уже не действовали.

Вот тогда-то и напомнил о себе оборотень-крокодил.

В нашем музее, в зале Оборотня, представлены экспонаты, с помощью которых садисты, состоявшие на службе у того или иного магната, весьма успешно выступали в роли «оборотня».

Железная маска с пристегивающейся крокодиловой пастью, снабженной рядами острых металлических зубов; специальные перчатки с отточенными металлическими когтями...

Между прочим, магнаты использовали старинное преда-

ние не только для запугивания темных крестьян, но и для расправы с конкурентами.

Ведь почти все магнаты жили в непомерной роскоши, хоть и взаимы, иные имели до сотни и больше кредиторов. А тут вдруг выгодный заказ, например, хлебные поставки в армию, но заказ этот готов перехватить более удачливый помещик.

Как тут не появиться «оборотню»!

Случалось, что жертвами все того же оборотня становились крупные кредиторы, начинавшие требовать срочной уплаты долга.

Не хочу сказать, что подобное происходило изо дня в день, но все же периоды активизации оборотня в исторической ретроспективе отнюдь не редкость.

Между прочим, ведь и о графе Половецком ходила байка, будто он сам убил свою жену из ревности к красавцу Гавиали, с которым тоже расправился, выдав того за оборотня.

Я со всей ответственностью заявляю, что сие есть ложь, поскольку нашел письмо клеветника, в котором тот признается в своем грехе.

Однако показательно, что эксплуатация легенды, причем, в самых различных аспектах, не прекращалась никогда.

– То есть, речь идет о некоем маскараде, представлении типа «маски-шоу», которое устраивали в своих тайных интересах земельные магнаты?

– *Вовсе нет! Существует официальный документ, где*

черным по белому написано, что в лето 1731 от Рождества Христова купец Прянишников тайно привез в Белособорск живого крокодила, дабы, обрядив того оборотнем, расправиться с чайным торговцем Сумароковым.

– Позвольте! Как же можно было в те времена провезти крокодила за тысячу верст тайно? Ведь не было ни автофургонов, ни товарных вагонов, ни контейнеров...

– Зато были особые баржи с прорезями для перевозки живых осетров на дальние расстояния. А наш Ракидон хоть и неширок, но судоходен. Так что крокодил доехал до места с полным комфортом. Он, несомненно, исполнил бы роль «оборотня», если бы подгулявший на радостях Прянишников не показал его одному из своих приятелей.

Нельзя, однако, исключить тех случаев, когда завезенные тайно крокодилы выполнили свою задачу.

Я думаю, что тот крокодил, что был застрелен у Старощанских болот в 1863 году, и чье чучело выставлено в музее, был как раз из этой серии. Отважусь сделать еще одно допущение: отдельные крокодилы, завезенные сюда тайно, смогли бежать или же были отпущены своими владельцами, после чего обосновались среди Старощанских болот, где природа, будто нарочно, создала для них идеальные условия.

– Быть может, там и сейчас обитает парочка крокодилов? А то и целая сотня?

– Сотня – это слишком, но вот наличие, скажем, единич-

ного экземпляра меня не удивило бы.

– Алексей Иванович, из материалов Интернета можно узнать, что среди народов тропической Африки до сих пор широко распространен тотемизм, то есть, применительно к нашей беседе, вера в родство между человеком и животным миром. Считается, что жрецы этих языческих культов умеют перевоплощаться в животных, являющихся покровителями данного племени. Существуют якобы потомственные секты людей-леопардов, людей-носорогов, ну, и, разумеется, людей-крокодилов. Не могла ли подобная секта поклонников Бога-крокодила, или Речного Зверя сложиться и в наших краях?

Что на этот счет говорят исторические источники?

– Вынужден повторить, что архивы по истории нашего края сохранились в мизерном количестве и зияют обширными «белыми пятнами». Из дошедших до нас документов ни один не называет какие-либо конкретные факты, которые можно было однозначно трактовать, как проявление деятельности языческой секты людей-крокодилов.

– Насколько достоверна легенда о трагической участи графа Половецкого и его жены Дианы Александровны?

– Я уже касался этой темы, но могу еще раз подчеркнуть, что считаю графа Половецкого личностью, безусловно, позитивной. Он сделал много полезного для оживления

экономики края на крутом переломе истории. Однако подробности его охоты на оборотня (да и была ли она, эта охота?) не подтверждены никакими письменными источниками. Точно так же нет никаких сведений о пребывании в Белособорске итальянского архитектора Гавиали. Библиотека усадьбы, как и все домовые книги, а также личная переписка графа сгорели в страшном пожаре вскоре после его смерти. Со всей достоверностью могу подтвердить лишь тот факт, что в период строительства дворцово-паркового комплекса, в Староцанском лесу действительно обитал старый отшельник, который пользовался среди населения славой искусного целителя. Но встречался ли с ним граф, получал ли от него перстень и некие тайные рекомендации, на этот счет можно лишь строить предположения.

– А как часто за всю историю нашего города происходило явление пресловутого оборотня?

– Это существо возникало из небытия всякий раз, когда начинался передел собственности, – такая вот строгая закономерность.

– Но в лихие 90-е, а этот период еще памятен многим нашим читателям, оборотень, по счастью, так и не появился, хотя дележ собственности происходил очень бурно, причем на протяжении целого ряда лет.

– В «лихие 90-е», как вы их назвали, «новым магнатам» некогда было заниматься маскарадом, тратить время на подготовку человека-крокодила. Конкурентов убива-

ли и запугивали по самым примитивным схемам, и все это сходило с рук. Не было никакой надобности привлекать к этому процессу еще и мифическое существо.

Я убежден, что всякому появлению оборотня обязательно предшествовала некая сложная интрига.

За нашим белособорским оборотнем, кем бы он ни был на самом деле, всегда стояли реальные люди, преследующие свои реальные интересы...

– Ширятся слухи, что оборотень появился вновь.

– По ряду причин я предпочел бы воздержаться от комментариев на этот счет.

На этом интервью заканчивалось. Про происшествие в музее в нем не упоминалось ни словом.

Да иначе ведь и быть не могло: следователь Цинюк, наверняка, предупредил Алексея об ответственности за утечку информации.

Но редакция поступила изобретательно. Интервью, в котором следствию не к чему было бы придраться, поставили на одном развороте с окончанием репортажа об убийстве вахтерши, как бы давая понять посвященным, что в этой истории газета готова поддержать потенциального обвиняемого.

Что ж, как-никак – тоже защита.

Интересно, а когда вышел номер?

Я взглянул на дату и не поверил собственным глазам.

Газета появилась в продаже на следующий день после убийства, которое, напомним, произошло поздно вечером!

Даже если предположить, что это не утренний, а дневной выпуск (вечерний выпуск в Белособорске невозможен в принципе, его просто некому будет покупать, ибо народ в эти часы уже сидит по домам), то оперативность, проявленная местными журналистами, вызывает уважение.

Кроме того, напрашивается вывод, что редакция располагает надежным источником информации в городской милиции. Не Алешка же сообщил им все эти подробности! Он просто не позволил бы себе этого. А интервью с ним, скорее всего, было сделано раньше и совсем по другому поводу. Когда же произошло убийство, в редакции вспомнили об интервью, вписали в него несколько фраз, чтобы привязать к событию, и заверстали на соседнюю полосу.

Хм! Кто же рулит этой любопытной газеткой?

Я разыскал выходные данные. Издателем газеты была некая Роза Румянова. Это имя, похожее на цирковой псевдоним, не говорило мне ровным счетом ничего.

А вот в следующий миг меня ожидал очередной сюрприз. Редактором газеты был Евгений Багрянский, Багрик!

Уже безо всяких усилий я вспомнил, что «Бул. Щиров» – это один из его псевдонимов, которым он подписывал свои заметки в школьной стенгазете.

Так-так-так...

Последний раз я видел Багрика в свой минувший при-

езд, четыре года назад. Встретил его тогда случайно на улице и предложил отметить это событие. Багрик принялся отнекиваться, признавшись, наконец, что он пустой. Но я почти силой затащил его в ближайшую шашлычную. После второй рюмки он размяк и принялся горько жаловаться на жизнь. В клубе химиков, где он работает оформителем, платят гроши; в «Белой горе», куда он отправляет свои заметки на городские темы, и вовсе копеечные гонорары; стихи, которые он все еще пишет, вообще надо издавать за свой счет; денег вечно не хватает, из-за этого дома скандалы...

Он и сам, в своих поношенных брюках и штопаном пиджаке, выглядел каким-то полинявшим, уставшим, разувевшимся...

А теперь, значит, он редактор самой многотиражной газеты в городе, газеты, у которой, как нетрудно догадаться, с финансами все в полном порядке.

Что ж, я искренне рад за Багрика, притом, что его газета определенно поддерживает Алешку!

А, с другой стороны, как ни крути, но выходит, что Багрик обосновался в стане врагов Дрючкова.

Полагаю, вовсе не случайно Вовка посоветовал мне посетить редакцию «Зеленого берега».

Теперь я и сам видел, что этот визит неизбежен, но прежде надо хорошенько к нему подготовиться.

Я взглянул на часы: эге, да ведь дома меня уже потеряли! Как ни велик был соблазн прямо сейчас пройти к дворцу,

который я не видел четыре года, свежим взглядом окинуть сцену, где разыгралась таинственная драма, времени на это у меня не было.

Я даже проигнорировал Вовкин совет покинуть парк через центральные ворота.

Выскользнул тем же потайным лазом и быстрым шагом направился к площади, чтобы «проголосовать» первую же машину.

10. НЕИЗДАННАЯ МОНОГРАФИЯ

– Ну, куда же ты запропастился, сынок? – запричитала матушка, едва я вошел в дверь. – Я уже начала волноваться.

– Все в порядке, мама! Прогулялся до торгового центра за сигаретами, встретил знакомого, ну и покалякали немного о том о сем.

– Кого же ты встретил, сынок? – мама не допытывалась, ей просто было любопытно.

– Длинного Пашку, – выкрутился я. – Он из третьей школы, ты его не знаешь.

Атмосфера в комнате была самой мирной. Алексей и Лия, похоже, помирились.

Клара вскинула на меня вопрошающие глаза.

Я послал ей в ответ безмолвный сигнал: есть, мол, кое-какие новости, но обсудим их наедине.

Затем сел на свое место, но на застолье времени уже не оставалось, хотя мамины разносолы имели самый аппетитный вид.

Я наполнил всем рюмки и поднялся из-за стола:

– Минуту внимания! Спасибо хозяевам за радушный прием и отменное угощение, но в трапезе объявляется временный перерыв. План на ближайшие часы такой. Клара уже в курсе, что в день приезда я всегда навещаю могилу отца. Не вижу оснований нарушать эту традицию сегодня. Думаю,

ты, Алексей, составишь мне компанию? Пожалуй, Клару мы тоже возьмем с собой. На обратном пути покажем ей город и парк.

– Ты правильно решил, сынок! – одобрила матушка, смахнув с ресницы слезинку. – Будете у нашего папули, поклонитесь ему и от меня.

Сборы были недолгими.

Отец покоился на так называемом старом кладбище, находящемся в пределах городского центра. Туда мы добрались пешком.

Перед воротами сидели те же нищенки, что и четыре года назад, и я в меру одарил их мелочью и карамельками.

Кларе я предложил подождать нас с Алексеем на скамейке перед часовней, но она пожелала пойти с нами.

Тишиной и прохладой старое кладбище напоминало разросшийся парк, а его могучие пирамидальные тополя – не то стражей вечности, не то гигантские поминальные свечи. Над могилами – и богатыми, и бедными – склонились яблоньки, груши, вишни и абрикосы. Высаживать у оградок фруктовые деревья – еще одна старинная белособорская традиция. Плоды трогали только птицы, да, наверное, кладбищенские работники.

Отцовская могила содержалась в порядке; лишь на плите и металлическом столике лежали опавшие листья.

По сегодняшним меркам, да и вообще по христианским, мой батюшка вел праведную жизнь. Думаю, он не нарушил

ни одной божьей заповеди, хотя был человеком неверующим. Несмотря на слабое здоровье и былые раны, он трудился до последнего дня. Надо полагать, всевышний заметил его и пожелал вознаградить за страдания и лишения, которые отец переносил безропотно. А наградой была избрана легкая смерть. Однажды после ужина отец прилег отдохнуть, повернулся лицом к стенке и затих. Мы все были дома – смотрели телевизор, но подумали, что он заснул, как случилось не раз во время телепередач. А он умер во сне. Когда мы спохватились, вызывать «скорую» было уже поздно.

Алексей достал из пакета плоскую бутылочку и стопки. Как положено, сначала налили отцу и поставили его стопку на полочке под эпитафией, накрыв ломтиком черного хлеба.

Выпили за помин души и немного помолчали.

Затем мы с Алешкой принялись выдергивать стебли сорной травы, что выросла вдоль ограды.

– Есть разговор, – тихо сказал я брату, – но не хочу вести его на кладбище.

– Минут через десять выйдем за ворота, там и поговорим, – предложил он.

– Нет, – возразил я, – десять минут мне требуется, чтобы потолковать с Кларой. Никаких секретов от тебя, братан! Обычная беседа личного свойства между мужчиной и женщиной.

Я, конечно, лукавил, но Алексей, понимая это, оценил мою деликатность.

– Хорошо, – кивнул он. – Вы идите с ней прямо сейчас к выходу, а я наведу здесь порядок и через четверть часа присоединюсь к вам.

Он нашарил в траве большую жестяную банку и отправился к ближайшей колонке.

Когда мы с Кларой вышли за ворота, то я рассказал ей вкратце, но, не упуская ничего важного, о своей беседе с Дрючковым.

– Странной выглядит эта идея твоего друга относительно компромата на самого себя, – задумалась она. – Но, может, он и прав. У тебя уже появились какие-нибудь мысли на этот счет?

– Крутится в башке один старый, как мир, сюжетец. Жду, когда он обрстет животрепещущими подробностями. Думаю, к вечеру замысел оформится окончательно, и тогда мы обсудим его с тобой, испытаем на прочность. А завтра с утра можно будет, пожалуй, отправиться по тем адресам, которые назвал Дрючок. Я предполагаю начать с редакции.

– Милый, завтра – воскресенье, – напомнила Клара. – Вряд ли мы найдем в редакции провинциальной газеты даже вахтера.

Я хлопнул себя ладонью по лбу:

– Ах, дьявол, как же я мог забыть! Вот незадача – угодили по срочному делу как раз к выходным! Нет, терять два дня – непозволительная роскошь в нашей ситуации! Надо что-то придумать... В принципе, можно завалиться к Багрику в го-

сти, но он не любит таких сюрпризов, да и мне, честно говоря, хочется побывать именно в редакции. А еще остаются Алый, Шашков... Ладно, если гора идет к Магомету... Придется собирать гостей самим. Но так, чтобы не напрягать маму. Идея! Приглашу их завтра на дачу, на шашлыки!

– Все они – влиятельные в городе люди, – напомнила Клара. – Ты уверен, что они не проигнорируют твое приглашение?

– Не волнуйся, придут и даже с большой охотой! Во-первых, благодаря стараниям матушки, меня здесь считают крутым парнем, вхожим в узкие круги истеблишмента северной столицы. Во-вторых, милая, они придут в пику Дрючкову, чтобы показать, что именно они здесь хозяева и вольны общаться, с кем душа пожелает. Ну, и, в-третьих, хоть мы знакомы с тобой – уже! – более года, но ты еще не знаешь всех моих талантов. Например, того, что я гениально готовлю шашлыки!

– Вот как! А почему я слышу об этом впервые только сейчас? Даже обидно как-то...

– Не время обижаться, моя дорогая! Просто не подворачивался подходящий случай. Зато теперь ты сможешь по достоинству оценить мои кулинарные способности, о которых мои бывшие одноклассники и земляки прекрасно осведомлены. В особый восторг их приводят мои шашлыки из печенки...

– Разве из печенки делают шашлыки? – удивилась Клара.

– Ах, ты, моя прелесть! – не сдержался я. – Вот продегустируешь разок, и если не попросишь добавки, то я публично сложу с себя звание мастера по шашлыкам.

В этот момент в открытых воротах появился Алексей, вивавший, судя по его виду, где-то в облаках.

– Послушай, братец, – спросил я, когда он подошел к нам, – а кто такая Роза Румянова?

– Какая еще Роза Румянова? – удивился он.

– Та самая, которая издает газету «Зеленый берег».

– Откуда мне знать?! – развел он руками. – Я журналистикой не интересуюсь и вообще газеты читаю редко. А если ты имеешь в виду мое интервью, то это просто дело случая.

– Что за случай, можешь рассказать?

Он с видимым неудовольствием вздохнул:

– Ты ведь знаешь, что я давно уже подготовил монографию, тема которой основана на фольклоре, отображающем образ нашего белособорского оборотня. Сей пухлый труд уже года два валяется в моем рабочем сейфе. Несколько отрывков я опубликовал в специализированных журналах, но издать монографию целиком считал делом бесперспективным. А тут вдруг некоторое время назад у парка появился весьма щедрый спонсор. Не просто щедрый, но и, я бы сказал, толковый. Он оказывал реальную помощь парку, не просто переводя деньги на наши счета, а оплачивая из своих средств конкретные работы – благоустройство набережной, ремонт ограды, замену фонарей на центральной

аллее... Иногда он заходил к нашему директору, и они вдвоем беседовали о чем-то за закрытой дверью. И вот однажды Тихон Анатольевич, он сам признался мне позднее, рассказал нашему спонсору о моей монографии, точнее, о моих мытарствах с ней. Карманов, это фамилия спонсора, тут же зашел ко мне, и мы проговорили часа два. Он оказался весьма приятным в общении человеком и интересным собеседником, вдобавок имел основательные познания по истории дворцово-паркового комплекса. И вот этот Карманов совершенно неожиданно для меня и без каких-либо просьб с моей стороны заявил, что готов материально обеспечить выпуск моей монографии. Мне оставалось только поблагодарить его, что я и сделал. Вся эта затея вскоре стала известна в редакции «Зеленого берега», полагаю, опять же с подачи нашего директора. Через день-другой мне позвонил твой бывший одноклассник Багрянский и предложил сделать интервью. Он сказал, что книги белособорских авторов выходят нечасто, и каждый такой случай, мол, является важным событием в культурной жизни города. Не отбиваться же мне было от него руками и ногами? Я согласился. Дело было еще весной.

– Дело было еще весной, – повторил я. – А сейчас конец июля. Значит, монография так и не вышла? Спонсор все же оказался не таким щедрым?

– Я сам остановил работу издательства над рукописью! – странно блеснув глазами, заявил Алексей. – А затем позво-

нил в редакцию газеты и попросил отложить публикацию интервью, как минимум, до осени.

– А что, собственно, случилось?

– Просто у меня появились свежие идеи, которые требуют существенной корректировки основной идеи монографии.

– Ну и?

– Вот и все! Я продолжаю работать и надеяться, что осенью, в крайнем случае, к новому году, монография выйдет в свет. – Выдержав небольшую паузу, он добавил с многозначительной улыбкой: – Возможно, она произведет фурор в определенных научных кругах...

Не то, чтобы я не был склонен к обсуждению Алешкиных трудов, просто сейчас на это не было времени.

– Значит, они пустили в ход материал из запаса, – высказал я свое предположение. – Так я и думал!

– В тот вечер, уже довольно поздно, мне позвонил Багрянский и сказал, что они хотят срочно поставить интервью со мной в номер. Я возразил, считая, что в сложившейся ситуации это было бы некорректно. Но он меня уверил, что никакой связи с происшествием в музее эта публикация иметь не будет. Он так горячо настаивал, что я, в конце концов, уступил, но поставил условием, чтобы из интервью убрали все упоминания о монографии. Но вообще, они сократили как-то по-дилетантски, – ворчливо добавил он. – Вместе с водой выплеснули и ребенка. Местами и вовсе получилась какая-то нелепица. Теперь мне просто стыдно за это интер-

вью! А что делать, в суд на них подавать?! Не хочу я втягиваться ни в какие скандалы! Но отныне никогда больше ни для какой газеты даже слова не напишу!

– Не сможешь вспомнить, когда именно тебе звонил Багрянский? – прервал я его излияния.

– Я еще не успел добраться до дома после беседы с сыщиками, когда он позвонил на мой мобильник.

– То есть, часа через два-три после убийства?

– Да, примерно так.

Ни фига себе, подумал я! Тело жертвы еще не увезли в морг, а в редакции уже не только настрочили репортаж в номер, но и задействовали давнее интервью, обретшее мощный подтекст, ибо интервьюируемый оказался невольным свидетелем убийства.

Кто же так лихо снабжает редакцию горячими новостями криминального характера? Уж не следователь ли Цинюк? Любопытно было бы взглянуть на этого типа.

– А этот Карманов, он что же, наш, белособорский? – спросил я.

– Ты должен его знать, – ответил Алексей. – Он твой ровесник, только из третьей школы.

– Некоторых ребят из третьей школы я действительно могу припомнить, но только по лицам или по кличкам. По фамилии помню, пожалуй, одного лишь Шашкова. А вот фамилия Карманов в памяти не задержалась. Чем он вообще занимается, какой у него бизнес?

– Этого я не знаю. Но деньги у него водятся.

– А как он отнесся к происшествию в музее? Твоя репутация не пострадала в его глазах?

– Его уже две недели нет в городе. Со слов директора я знаю, что Карманов отдыхает где-то на Адриатике, но вот-вот должен вернуться.

– Ясно. Скорее всего, он далек от всех этих событий... – Тут я переменяю тему: – Алексей, а что если мы прямо сейчас навестим вашего директора? Его, кажется, зовут Тихон Анатольевич, я не напутал?

– Не напутал, но визит может состояться не раньше понедельника. Так ответили в больнице.

– Тогда давайте прямо сейчас двинем в парк, – предложил я. – Клара должна полюбоваться главными чудесами нашего города!

– Я сгораю от желания увидеть остров Речного Зверя! – поддакнула она.

Алексей неожиданно замялся:

– Вообще-то, у нас в музее сегодня был субботник Я, по известной причине, отпросился с него. Будем немного странным, если сразу после субботника меня вдруг увидят в парке. – Он покраснел и обратился к нашей спутнице: – Извините меня, Клара, но этот тип, мой брат, и сам может быть прекрасным гидом по парку, притом, что за последние четыре года ничего нового там не прибавилось. А я, с вашего согласия, отправлюсь на дачу. Ведь вы, как я понял, соби-

раетесь ночевать в домике, а у меня там все разбросано. Я просто не знал, что вы приедете так неожиданно, и не успел навести порядок.

– Алешка, брось извиняться, – я похлопал его по плечу. – Клара – свой человек и предупреждена, что речь идет не о загородной вилле, а о скромной летней хибарке. Но, конечно, лопаты и тяпки из комнаты надо убрать, с веранды тоже. Кстати, под сарайчиком были сложены обрезки спиленных вишневых деревьев. Эта поленица еще существует?

– Старые дрова я сжег, но недавно спилил две вишни, так что поленица имеется. Зачем она тебе?

– В воскресенье, братец, то есть, завтра, я собираюсь пригласить на нашу дачу нескольких старых знакомых и дать им возможность насладиться моим искусством приготовления шашлыков. Вишневые угли, если ты подзабыл, придают этому яству неповторимый аромат. Кстати! Раз уж ты будешь наводить порядок, то найди заодно шашлычницу, шампуры и щипцы для углей.

– Ладно, – буркнул он, и мы расстались.

11. ОСТРОВ РЕЧНОГО ЗВЕРЯ

Я, собственно, и не рассчитывал на бурные эмоции Клары относительно красот парка «Диана» (исключая, разве что последний объект намеченной экскурсии). Ну, чем, скажите на милость, можно удивить в области садово-паркового искусства коренную ленинградку-петербурженку, которой еще в школьные годы привили любовь к прославленным пригородам северной столицы! Предчувствовал я и то, что моя милая будет вежливо восторгаться увиденным, как и подобает воспитанной гостье. Вести ее через потайной лаз я, разумеется, не собирался.

Утром, перед моей встречей с Дрючковым, припаркованная площадка была практически пуста. Сейчас, по случаю субботнего дня, она напоминала столичный пятачок в часы пик. Народ валом валил к арке центрального входа. У касс выстроилась очередь, впрочем, двигавшаяся весьма быстро. Платным вход был только по выходным и праздникам. Несмотря на символичность суммы – всего пять рубля, – не каждый торопился приобрести билеты. Тонкий, но непрерывный ручеек горожан тек к тому самому пролому.

Я сразу же вступил в роль профессионального, но слегка дурашливого гида:

– Вот центральная аллея... Взгляните, какие оригинальные фонари под старину появились вдоль нее! Не иначе, те

самые, установку которых оплатил великодушный господин Карманов, чью физиономию я по-прежнему не могу вспомнить при всем своем старании! Посмотрите налево, посмотрите направо, посмотрите прямо перед собой! Только что мы вышли на Большую поляну, любуйтесь! Она знаменита тем, что ее обрамляют деревья разных пород, деревья, многие из которых еще помнят первого владельца. Особенно хороша группа дубов... Говорят, самым высоким среди них был родовой дуб Половецких. Это дерево обладало мощным раздвоенным у основания стволом. Когда погибла графиня Диана, то вскоре засохла левая, более тонкая ветвь, а после смерти графа – правая. Дуб пришлось спилить...

– Это еще одна местная легенда? – сощурилась Клара.

– Нет, это, как сказал бы Алексей, строго документированный исторический факт. Однако продолжим нашу экскурсию. Большая поляна является как бы осью парковой части комплекса. Отсюда разбегаются дорожки во все стороны. Там, – я махнул рукой в одну сторону, – колоннада «Эхо», там, – махнул в другую, – римские руины и Башня молчания, там, – махнул в третью, – Лебединая заводь и Зеркальные пруды, там, – пришел черед четвертой стороны света, – Китайская беседка и восточная ротонда. А чуть дальше – Папоротниковая гора! Перед горой – мост Оборотня, а на горе – дворец!

– Куда же мы пойдем?

– К мосту Оборотня и через него – к дворцу!

Мост Оборотня являл собой мрачноватое каменное сооружение с башенками в духе архитектуры рыцарских замков. Кривоствольные деревья разрослись по обоим склонам оврага так, что их кроны образовали сплошной шатер, укывавший от глаз огромные валуны, громоздившиеся на дне, и ручей, звеневший между ними. Но я-то помнил, как велика глубина этой «бороздки» – естественной северной границы Папоротниковой горы! «Дворцовый» склон оврага покрывали заросли высокого папоротника, как бы напоминая о названии горы. На противоположном склоне росла почему-то только высоченная крапива.

Мост Оборотня выводил на подстриженную лужайку, что зеленела перед фасадом дворца.

Именно по этому мосту, а затем и через лужайку бежала молодая графиня, спасаясь от кровожадного чудовища. И некому было защитить ее, потому что граф со всей своей свитой отправился на охоту. На традиционную охоту – не за оборотнем. Очевидно, он считал, что у себя дома графиня Диана в полной безопасности. Притом, что графиня имела славу меткого стрелка и не раз выезжала вместе с мужем на охоту. Но в этот раз какие-то обстоятельства побудили ее остаться дома, чем и воспользовался неукротимый Зверь – получеловек-полуволок-полукрокодил, своего рода Минотавр этих мест.

Позднее на месте гибели красавицы, с боковой стороны дворца, ближней к реке, поднялось ее бронзовое изваяние,

запечатлевшее графиню в образе Дианы – Артемиды.

Обычно вокруг статуи всегда толпились экскурсанты, с замиранием сердца внимая гида, который, повышая голос до патетики, уже в тысячный раз излагал перипетии старинной легенды, добавляя в рассказ кое-что и от себя лично.

И вот статуя исчезла, так что экскурсия у нас получалась неполной.

Впрочем, главную «изюминку» я приберег напоследок.

А пока мы остановились перед дворцом, воздвигнутом в стиле барокко, со всеми его колоннами, башенками, балконами и шпилями.

– Замечательно, – кивнула мне Клара. – Это впечатляет, правда, Славик...

«Домик» и вправду выглядел аккуратно, хотя, конечно, сравнения с Петергофом или Гатчиной не выдерживал.

– Ты уже догадалась, что сейчас мы с тобой находимся на плоской вершине Папоротниковой горы. Когда-то она была чуть выше, но графу пришлось слегка подрезать макушку, чтобы получить достаточно ровную площадку под строительство. Однако двигаемся дальше...

Лужайку широким полукольцом обрамляла высокая и густая живая изгородь.

Примерно по центру полукольца имелся узкий разрыв, куда вела песчаная дорожка.

По ней я и повел Клару, продолжая свою роль дурашливого гида.

Перед самым разрывом в кустах, для пушшего усиления эффекта, я обогнал мою спутницу и двигался так, чтобы заслонить ей обзор своим плечом.

Но вот мы прошли по небольшому зеленому коридорчику и оказались на открытой площадке, где сейчас не было ни души, чему я внутренне порадовался.

Здесь я и отпрянул в сторону со словами:

– А теперь смотри!

Она подняла глаза, да так и замерла, невольно прижав к груди кулачки.

– О, боже! – вырвалось у нее.

С высоты Папоротниковой горы, которая была не такой уж маленькой, открывался вид на протекавший внизу Ракидон.

Дальний берег являл собой сплошные заливные луга, за которыми, где-то у самого горизонта синела полоска леса.

Зато вдоль всего нашего берега росли раскидистые ивы, склонившиеся к самой воде. Почти сомкнувшись своими ветвями, они практически полностью перекрывали вид на прилегающий участок реки.

И только прямо перед нами между деревьями имелся широкий просвет, позволявший видеть всю реку до противоположного берега.

В этом природном «окне», посреди реки, омываемый ее плавным течением лежал остров из красного с серыми проплешинами гранита.

Отсюда он был виден целиком, причем в самом эффектно-ном ракурсе.

Пауза длилась довольно долго.

– О, боже! – повторно воскликнула Клара и посмотрела на меня. – Милый, когда ты рассказывал мне про остров в Питере, я подумала, да что там может быть особенного, остров как остров, очевидно, объект для людей с живым воображением! Но ведь это настоящий Речной Зверь! Непостижимо, какие памятники может создавать природа!

Она, моя любимая, была права на все сто! Да и мой сюрприз, кажется, вполне удался.

Остров длиной около семидесяти метров удивительно точно напоминал всплывавшего из-под воды крокодила или, лучше сказать, гигантского ящера. С высоты, на которой мы находились, можно было четко различить мощную морду с выпуклыми глазницами, массивное туловище и начало вытянутого хвоста, еще прячущегося в воде.

Голова Речного Зверя возвышалась над уровнем воды примерно на высоту двухэтажного дома, круто обрываясь вниз, зато линия от затылка до хвоста была такой плавной и полой, что вдоль нее можно было бы безо всякой опасности съезжать на велосипеде.

На «шкуре» Зверя нигде не виднелось ни грубых разломов, ни выступов.

Как будто некий скульптор поработал здесь гигантским резцом, убрав с гранита все лишнее.

– Теперь я понимаю, почему легенда связывает облик оборотня именно с крокодилом, – сказала Клара. – При наличии такого острова иначе и быть не могло.

– Первоначально граф хотел поставить дворец фасадом к реке и к острову, а вниз, до самой воды, пустить широкую мраморную лестницу, – пояснил я. – Но графиня отговорила его – вид острова вызывал у нее тревожное состояние. Граф уступил, однако устроил свой кабинет с боковой стороны дворца, с выходом на балкон, где он простаивал часами, разглядывая остров.

– Лично я хорошо понимаю графиню...

Между тем, на наших глазах на остров вскарабкались двое купальщиков, которые легко поднялись до верхней точки, откуда синхронно прыгнули головами вниз.

– Это не опасно? – забеспокоилась Клара.

– Вообще-то, там глубокая и чистая вода. Но иногда течение приносит коряги, и те задерживаются между лапами Зверя, притом на глубине. Много лет назад здесь, почти на моих глазах погиб мой одноклассник Миша Сонников. Тоже вот так же прыгал с головы Зверя и напоролся на длинный и острый сук, который вошел в него, как пика. А еще... Ладно, не будем об этом! Не хочу навевать тебе мрачные мысли, притом, что в штате парка сейчас есть спасатель-водолаз, который во время купальных сезонов ежедневно обследует дно.

– Тогда, полагаю, все будет в порядке, – кивнула она. –

А где Старощанские болота, в которых обитают живые, а не каменные крокодилы?

– Пойдем, покажу.

Тем же ходом мы покинули смотровую площадку, снова выйдя на лужайку, и я повел Клару к западной границе горы, которая проходила за тыльной стороной дворца.

Вскоре перед нами снова открылся глубокий овраг, но не облагороженный, как тот, что перед мостом Оборотня, а сырой и мрачный, с замшелыми валунами, путь к которым преграждали поваленные и полусгнившие стволы деревьев.

По его дну протекал ручей, почти заболоченный, впадая совсем узкой струйкой в Ракидон.

– Это единственное место, которое граф не успел привести в порядок при жизни, а уж затем так все и осталось вплоть до наших дней. Сразу же за этим оврагом проходит западная граница парка. Видишь подобие забора из бетонных плит? Вот за этим забором начинается Старощанский лес, который тянется километров на десять широкой подковой до большой деревни Старощанской, а в своем центре охватывает болота, прижимающиеся к реке.

– Смотри, что получается, – сказала после паузы Клара. – Если предположить, что в болотах все же обитает некий зверь, то ведь ему ничего не стоит приплыть по реке сюда, и по этому оврагу пробраться незамеченным к тыльной стороне дворца.

– Запросто! – улыбнулся я. – Только учти, дорогая, что

сквозь стены обычный крокодил пройти не может. А входов во дворец только два, и оба с фасада дворца.

– Кто знает! – пожалала она плечами. – Может, крокодилу известен и какой-то третий вход?

– Как сказал бы мой Алексей, данная гипотеза не имеет под собой никаких научных оснований.

– А, по-моему, за оградой вовсе не лес! – сощурилась Клара. – Присмотрись: в просвете между деревьями явно заметны какие-то черепичные крыши.

– Раньше там не было ничего, кроме леса, – сказал я. – Но, помню, в мой последний приезд в городе было много разговоров о том, что некие новые русские хотят захватить участок реки сразу же за парком под строительство особняков. Если там и вправду черепичные крыши, значит, этот план вполне удался.

– Но в таких сакральных местах не должно быть никакого частного строительства!

– О чем ты говоришь! Вспомни, что творится под Питером! Ладно, пойдем, я покажу тебе боковую аллею, где оборотень схватил за ногу Багрика...

Мы двинулись в обратный путь, но перед дворцом остановились еще раз, и Клара долго разглядывала его, причем, как мне показалось, с каким-то совсем иным настроением, чем полчаса назад.

– Милый, ты не забыл об одной важной фразе, которую твой брат проронил, встречая нас на вокзале? – неожиданно

спросила она.

– Там было сказано много важных фраз, какую ты имеешь в виду?

– Самую важную для Алексея!

– А именно?

– Он сказал, что близок к крупному научному открытию. А сегодня, говоря о своей монографии, прозрачно намекнул на это еще раз.

– Да, верно, – согласился я.

– А ты даже не расспросил его об этом, никак не выразил своего интереса к его работе. Я уверена, что именно это сейчас для него самое главное! Быть может, он хочет просто выговориться хоть перед кем-нибудь! Но даже родной брат не желает его выслушать, поскольку считает, что есть дела поважнее. Вот Алексей и нервничает. Конечно, я сама могла бы его выслушать, но, думаю, это было бы неправильно.

– Ладно, я тебе аплодирую за эту взбучку! – вздохнул я. – Ты не думай, что я пропустил его намеки мимо ушей. Просто постоянно возникают другие темы для обсуждения, а время поджидает. Но я согласен, нужно выбрать минуту и поговорить с ним о его исследованиях в области истории родного края. Пожалуй, сделаем это завтра, в процессе подготовки к пикнику. Ваше величество, надеюсь, тоже примет участие в разговоре.

12. ПЛЕМЯННИЦА НАСТЯ

У подъезда нас нетерпеливо поджидала мама.

– Ох, Слава, Кларочка... Старая, видать, становлюсь, памяти никакой! Совсем забыла предупредить вас о главном, – запричитала она, когда мы приблизились. – Настя уже дома. Она не знает, что у отца неприятности. Мы ей ничего не говорили.

– Почему? – удивился я.

– Она совсем еще ребенок, незачем ей знать такие вещи.

– Та-ак. Ничего себе ребеночек: школу закончила! Да ведь и шила в мешке не утаишь.

– Авось, обойдется. Вот возьмешься ты за дело, и не будет никакого шила.

– Воля ваша! – развел я руками.

Едва прозвучал входной звонок, как дверь распахнулась, и Настя вылетела на лестничную площадку, повиснув у меня на шее и повторяя: «Дядечка Славочка! Дядечка Славочка!»

Впрочем, тут я не вполне точен. Чтобы повиснуть у меня на шее, ей необходимо было быть хотя бы на полголовы ниже. При этом рост ничуть не портил ее – благодаря гармоничному сочетанию весьма зрелых форм. По виду она вполне тянула на младшую сестренку Клары, но более непоседливую. В ней так и клокотала энергия юности, жажда веселья, танцев, новых открытий и знакомств! Пышная шапка стру-

ящихся темно-рыжих волос, жадные до впечатлений большие глаза с карими зрачками и белозубая, вполне рекламная улыбка делали ее чуть скуластое личико очень недурственным. Куда подевалась та стеснительная, даже робкая и угловатая девчонка, которую я знал?!

– Дядечка Славочка, ой как хорошо, что вы приехали! Без вас так ску-учно... – пропела она.

– Погоди, Настенька, дай-ка я рассмотрю тебя получше... Хороша, ничего не скажешь! Экзамен-то сдала?

– Сейчас не экзамены, а собеседования. Вот недавно прошла собеседование по истории.

– Ну, и как?

– На «отлично»!

– Молодчина! А это Клара, знакомься.

Настя повернулась к Кларе, улыбнувшись ей еще шире, при этом в глубине ее глаз мелькнул оценивающий огонек.

– Внученька, да что же ты держишь гостей на пороге?! – воскликнула любящая бабушка. – Приглашай в дом!

– Ой! Извините! – Она крепко ухватила меня за кисть и увлекла за собой в комнату.

– Эге, племянница, – я слегка придержал ее. – Вижу, что твоя симпатия ко мне достойна поощрительного приза, но вынужден извиниться: на сей раз я приехал с пустыми руками...

– Да что вы, дядечка Славочка! Столько вкусенького привезли! Я уже всего попробовала! Спасибо! – Она востор-

женно чмокнула меня в щеку.

– ...потому что не знал размеров твоей одежды и обуви, – закончил я свою мысль. – Но даю слово... Когда у тебя последнее собеседование?

– В понедельник. – Она замерла в предвкушении приятного сюрприза.

– Тоже тематическое?

– Да, по литературе. Но мне и готовиться не надо.

– Понятно. Тебя мама консультировала.

– Я ее консультировала семнадцать лет, – заглянула в комнату Лиля. – Думаю, этого достаточно, чтобы грамотно пройти собеседование в Белособорском педагогическом институте? – Выдав эту тираду, Лиля снова исчезла за портьерой.

Я заговорщицки подмигнул Насте:

– Народ надеется и ждет. А ты, племянница, крепко запомни: как только пройдешь свое последнее собеседование, мы втроем, то есть, ты, Клара и я, направляемся в Торговый центр, и ты выбираешь себе что-нибудь по душе. Платье, туфли, кофточку, ну, словом, решим на месте. Это и будет наш с Кларой подарок тебе в честь ключевого этапа в твоей жизни.

– Ой! – Взвизгнув от восторга, она бросилась ко мне, едва не задушив в объятиях.

– Ну и хватка у тебя, племянница, – констатировал я. – Женихом-то уже обзавелась?

– Это не убежит, – с беспечностью юности отмахнулась

она и, стрельнув глазами в сторону Клары, прошебетала мне на ухо: – А вы молодец, дядечка Славочка, не теряетесь!

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы подружились, – высказал я заветное пожелание.

– Мне тоже, – ответила она.

– Ну, и я не против, – улыбнулась ей Клара.

С кухни донесся громкий голос Лили:

– Людмила Николаевна, вода закипела. Пельмени бросать?

– Бросай, доченька. Только добавь несколько горошин черного перца и почаще помешивай. Да не забудь про лавровый лист!

Я шутливо подтолкнул Настю к столу:

– Садись. Сейчас отметим встречу.

– Ой, я не могу! – запротестовала она. – Мы с девчонками договорились заниматься. Я просто на минуту забежала, чтобы на вас посмотреть.

– Ты сказала, что к собеседованию по литературе тебе готовиться не надо.

– Мне-то, может, и не надо, а вот Танюшка Лукашова до сих пор не знает, с кем на дуэли стрелялся Ленский. Кошмар! Ой, дядечка Славочка! Если бы вы знали, как мне хочется порасспросить вас! Про жизнь в Петербурге, и про артистов, и вообще про все-все-все! Но я ведь обещала. Они ждут. А вы еще не завтра уезжаете, раз в понедельник хотите повести меня в Торговый центр, да?

– Не завтра, – успокоил ее я. – Успеем, наговоримся... –

Еще раз смерил ее взглядом. – А ты пошла в папу.

– Такая же крупная? Да?

– Такая же обязательная. Раз обещала – значит, держишь слово. Ну беги...

Дегустация пельменей – самого отменного качества – проходила в спокойной обстановке. Алексей и Лиля сидели тихие и смирные, и ничто уже не напоминало об утренней размолвке.

– Вот что я надумала, дети, – заявила мама, когда с основным блюдом было покончено. – Я договорилась с Тамарой Михайловной, что переночую сегодня у нее вместе с Настей. Вот помогу попозже Лиле помыть посуду и уйду. А вы, Слава и Клара, располагайтесь в дальней комнате. Пора вам уже отдохнуть с дороги.

Напрасные хлопоты, мамуля, – возразил я. – Я ведь предупредил тебя по телефону: мы с Кларой устроимся на даче.

– Славик, а ты сказал Кларе, что наша дача – это просто деревянный сарайчик, и что там нет никаких удобств? – мама даже покраснела, как бы от неловкости перед гостьей. – Кларочка, оставайтесь в доме!

– Мама, у Клары под Питером примерно такая же дача, и ее наша развалюшка не удивит. Притом, должна же Клара ознакомиться с нашими владениями! – нашел я подходящий аргумент.

– Не волнуйтесь, Людмила Николаевна, мы устроимся вполне нормально, – поддержала меня Клара.

– Ну, смотрите, дети, вы уже не маленькие, решать вам, – сдалась, наконец, матушка.

– Вот что еще мне хотелось бы обсудить, пока все в сборе, – я перевел разговор в другое русло. – Все же я не был в Белособорске четыре года... Притом, привез с собой дорогую гостью... Разве это не повод, чтобы устроить завтра на даче маленький пикничок для узкого круга бывших одноклассников. Само собой, закупка продуктов полностью за мной. Но без ваших кулинарных и хозяйственных талантов мне не обойтись. Могу ли я, точнее, можем ли мы с Кларой рассчитывать на вашу помощь? – Вопрос, конечно, был чисто риторическим.

– Нечего и спрашивать об этом! – ответила за всех мама. – Но хотелось бы знать, сынок, сколько человек ты собираешься пригласить? И еще учти: завтра воскресенье, и почти весь народ будет на огородах. Зарплаты-то у всех небольшие, и огород очень хорошо выручает. Так что вряд ли ты кого сумеешь позвать завтра в гости, сынок. К тому же давно не было дождей, и людям нужно обязательно полить грядки.

Я-то знал, что интересующие меня персоны могут заниматься в выходные дни чем угодно, кроме огородничества, но говорить этого не стал, а лишь заметил:

– Ничего, разыщем пару-тройку старинных приятелей, которые успеют полить свои грядки часиков этак до пяти ве-

чера. Алексей, шашлычный комплект нашелся?

– Я все привел в порядок и выставил на сундук, там и увидишь, – буркнул он, опять погруженные в какие-то свои мысли.

– А вишневые дрова точно есть?

– Точнее не бывает!

– Отлично! Что ж, тогда мы с Кларой начнем собираться в дорогу. Но прежде я должен сделать пару-тройку звонков. – Я вышел в прихожую вместе со стулом и расположился у телефона.

Первым я набрал домашний номер Наташи Оленевой, супруги Эдуарда Шашкова, сохранившей в браке свою девичью фамилию. Всякий раз, приезжая в Белособорск, я невольно думал о Наташе. Встречаться с ней я обычно не рвался. Хотя бы потому, что не хотел видеть ее Эдичку, чьи холодные рыбы глаза наводили на меня какой-то морок. И что она в нем нашла?! Почему предпочла выбрать его, а не Вовку? Какая черная кошка пробежала между ней и Дрючком в то далекое лето? Удивительно, но эти вопросы я задаю себе до сих пор.

Я знал, что у Наташи все благополучно: она жена одного из самых высокопоставленных городских чиновников, любящая мать, лучший хирург города, на прием к которой записываются за месяцы вперед. Отличная квартира, современная дача (не чета нашей!), иномарка, катер с собственной пристанью, словом, полный достаток...

Но я знал также, что что-то у нее не сбылось. Она не нашла в этом мире родственной души. С Эдичкой она поторопилась. Это не ее пара. Возможно, в какой-то момент она поняла это. А затем смирилась. Или привыкла.

Твердой рукой я набрал номер.

Гудки. Еще гудки. Еще.

Наконец трубку сняли.

– Алло, – послышался голос, такой глубокий и волнующий.

– Наташа? – чуть запнувшись, спросил я.

– Вам, наверное, маму? Подождите минутку. Сейчас она подойдет.

Так это ее дочь... Ее и Эдика... Я ни разу ее не видел и даже не знаю, как они ее называли. Но как похожи голоса!

Через несколько секунд трубка снова ожила:

– Алло, кто говорит?

– Здравствуй, Наташа!

– Краснослав?! – Она узнала меня сразу, будто мы созванивались каждый день. – Ты откуда?!

– Из-под крыши дома своего. Вернее, матушкиного.

– Давно приехал?

– Сегодня утром.

– Как ты?

– Нормально. Послушай, это я говорил с твоей дочкой?

– Да, с Алиной.

– У вас удивительно похожие голоса.

Она рассмеялась:

– Многие утверждают, что мы вообще очень похожи. Правда, я чуточку постарше. Кстати, можно тебя спросить: ты женился, наконец?

– Еще нет, но невесту с собой привез.

– Даже так? Любопытно было бы посмотреть.

– Что ж, ловлю тебя на слове. Завтра мы устраиваем шашлыки на родительской даче. Приглашаем вас с Эдиком на дегустацию.

– Заманчиво, – ответила она после паузы. – Кого еще ты приглашаешь?

– Да вот, хочу заарканить Гешку Алеева.

– Не получится. До понедельника его не будет в городе.

– Тем хуже для него, – вздохнул я. – Значит, завтра в пять я тебя увижу.

– Нас, – с тонкой иронией поправила она. – Если понятно объяснишь, где находится эта самая дача.

– Садоводство «Утиная заводь» по дороге на автостанцию, участок номер шестьдесят восемь. Маршрут такой...

– Извини... – перебила она. – Это не рядом с дачей Лени Бокая?

– Наташенька, голубушка! – чуть не прослезился я. – Да ведь Ленька Бокай, вернее, его отец – наш ближайший сосед по садово-ягодным культурам! Вход в одну калитку. Я так понимаю, что тебе приходилось там бывать?

– Нам, – снова поправила она, не вдаваясь в объяснения. –

Хорошо, мы с Эдиком будем в пять.

– Кстати, скажи Эдику, что у меня есть к нему серьезный разговор. Очень серьезный. Он не пожалеет о потраченном времени, узнав, в чем дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.